

A romantic close-up of a man and a woman about to kiss. The woman, with blonde hair, is at the top, and the man, with dark hair and a beard, is at the bottom. They are both looking down at each other, and the woman's hand is gently touching the man's chin. The background is softly blurred, suggesting an indoor setting with warm lighting.

ЛЮБОВЬ ПОПОВА

БЕЗ ТЕБЯ
НЕЛЬЗЯ

СОВРЕМЕННЫЙ ЛЮБОВНОЙ РОМАН

Любовь Попова

Без тебя нельзя

<https://litres.ru/74320472>

Аннотация

- Ты должна была сказать о сыне, Вика! - Я тебе давно ничего не должна! Ты сделал свой выбор! У тебя есть ребенок, мой тебе не нужен! - Я хотел ребенка от тебя! - он берется за волосы, проводит ладонью по лицу. – Отомстила? - Отомстила. - Полегчало? - Нет! Потому это не вернуло тебя! Потому что ты все еще женат на ней. Уходи, Марат. Просто уходи. - Я уйду сейчас. Но теперь ты от меня не отделаешься. Я буду участвовать в жизни сына. - Будешь шантажировать меня? - Если потребуется. И ты прекрасно знаешь, что я найду рычаги давления и нашего сына будет воспитывать моя жена. ****

*Книга читается отдельно. *В книге будут флешбеки. *В комментариях жесткие спойлеры

Содержание

Глава 1.	4
Глава 2.	12
Глава 3.	18
Глава 4.	26
Глава 5.	31
Глава 6.	38
Глава 7.	45
Глава 8.	52
Глава 9.	57
Глава 10.	62
Глава 11.	68
Глава 12.	75
Глава 13.	85
Глава 14.	91
Глава 15.	95
Глава 16.	102
Конец ознакомительного фрагмента.	103

Глава 1.

— Мамуля, с днем рождения! — еле открываю глаза, смотря как сынуля прыгает от нетерпения с подносом в руках. В своей любимой пижаме. Даже бабочку напялил. Ну каков а? Прямо красавец. Вылитый отец. — Я тебе открытку нарисовал и блинчики приготовил...

— К плите подходил? — с него станется хозяйничать в свои неполные пять лет.

— Понарошку! — ставит поднос мне на кровать. — Поздравляю!

— Мой возраст уже не повод для радости, зайчик, — поднимаюсь на подушках, смотрю на рисунок, глаза щиплет от слез. — Ну что ты стоишь, пошли обниматься!

Он радостно смеется, прыгает мне на руки. Я тут же сжимаю малыша руками, трюсь щекой о мягкие черные волосы. Мой сладкий мальчишка.

— Мам, задушишь. В садик пора! Вставаааай.

— Может прогуляем сегодня? Я на работу не пойду. Праздник отменим.

— У нас же утренник скоро! Я там стих читаю! Как это прогуляем, мам! А батуты, ты обещала батуты!

— Ну что ты сразу заныл? Нет так нет. Тогда бегом собираться! — щекочу Карима, а он со смехом слезает с кровати и убегает.

Как же не хочется никуда идти. Ну и что, что работа. Ну и что, что праздник.

Вот прям хочется накрыться одеялом и никуда не идти. Хотя бы потому что когда тебе тридцать, это определенный этап, после которого начинается совсем другая жизнь... Ты уже не молода и легка на подъем, теперь тебе очень хочется провести вечер не в клубе, а дома перед одним из многочисленных сериалов про любовь. Поплакать над глупостью героини, которая вернулась к бывшему и пообещать себе, что ты так точно не поступишь...

Ну кааак же тяжело себя сдирать с мягкой постели.

Вон даже на улице солнца нет. Это о чем говорит? Лежи в постели.

Когда Марат был рядом я частенько спала до обеда, теперь не могу себе такого позволить.

Теперь я мать и хозяйка крошечного отеля возле центрального парка Новосибирска.

Да и вообще, когда появляется ответственность, а ты одинока, сон становится непозволительной роскошью.

Тридцать блин. Кто бы мог подумать, что это случится так скоро... Что я вообще доживу.

Достаю телефон из-под подушки. Со вздохом снимаю блокировку и вижу бесконечную ленту сообщений в самых разных мессенджерах и социальных сетях. А еще только семь утра. И откуда у меня столько знакомых. Ну понятно. Друзья написали еще в полночь. Ладно мой заместитель, она обяза-

на поздравить меня с самого утра.

Но остальные куда торопятся? Словно поставили себе напоминание не забыть поздравить вечно одинокую Вику ровно в полночь. Словно без их поздравлений мой очередной день рождения без НЕГО пройдет зря.

Скрываю все окошки, заходя прямиком в диалог с отцом своего ребенка, который пытаюсь удалить уже несколько лет.

Но не могу.

Рука не поднимается. Последние четыре сообщения. От него.

Прочитанные, но не отвеченные.

Ровно в десять утра.

Еще три часа, и я буду сидеть и смотреть как «Абонент «Марик» печатает» потом читать и перечитывать всего четыре слова.

«С Днем рождения, Вик».

Читать так пристально, словно в них скрыто послание. И с особым мазохизмом буду набирать снова и снова ответ, а потом стирать, так ничего и не написав.

В очередной раз.

Листаю ленту сообщений выше, а там мое ему: «Будь счастлив» в день его свадьбы.

О да, он женился, а я ничего не сказала ему о сыне. Все-таки сучий поступок, но я не чувствую и доли вины. Только не по отношению к этому подонку.

— Мам! – сынуля вырывает меня из дремы, и я вскиды-

ваю голову.

— А?

— Ну вставай! Я уже готов!

На нем колготки шиворот на выворот и вчерашняя футболка, заляпанная шоколадом. Вот это готов так готов.

— Иду, иду, — откладывая телефон, откидывая одеяло и иду в ванную, смотрю на свое помятое лицо. Хотя если вот так похлопать по щекам, то ничего еще.

Я раньше думала, что уж я-то в садик всегда буду приходить самой красивой, при макияже, чтобы все моему сыну завидовали... Но все на что меня хватает, это хвост и чистка зубов.

было.

Выхожу готова и вижу, как Карим уже прыгает на кровати.

— Мам, ты у меня такая красивая.

— Спасибо, зайчик. Ты напрыгался? Можем идти?

— Угу, — он уже хмурит лобик, чем – то расстроенный, но сейчас нет времени спрашивать.

Отвожу его в садик, возвращаюсь и только тогда навожу марафет, потому что позволить себе прийти в свой отель не при параде не могу.

Через пол часа я уже на работе. Собранная, деловая. Приветствую администраторов за стойкой, проверяю наполняемость отеля, даю втык официантам, которые с утра запороли «Шведский стол» Это надо же, холодные блины.

Дальше собрание, небольшие нагоняи отделу маркетинга.

И вот наконец свой кабинет.

А время то уже десять часов.

Я сажусь в кресло, наливаю себе кофе. Вот и весь мой завтрак. Но сейчас не до еды. Пялюсь в экран жадно ожидая, что чат с Маратом оживет и он начнет мне печатать.

Давай же.

Еще одна минута.

Марат до раздражения пунктуален, до мерзости правильный, до отвращения красивый. Про то каков он в постели, лучше вообще не вспоминать, иначе придется ехать за сменным бельем.

Сердце бьется все чаще, словно он не сообщение будет писать, а ко мне прикоснется. Вот прямо сейчас.

Может быть схватит за волосы, опустит на пол, заставит стгорать от возбуждения, будет требовать умолять себя трахнуть. Он всегда был крайне терпеливым, а я всегда стгорала от желания, чтобы он побыстрее оказался во мне.

Моргаю пару раз, смотря на время.

Десять ноль пять, а сообщения нет. Он в сети, я вижу. Но не пишет мне.

Пальцы замирают над экраном, но я тут же кидаю телефон в ящик стола.

Еще чего не хватало, первой писать.

Не написал?

Вот и отлично. Еще один повод удалить переписку и его номер в черный список отправить. Сделаю это обязательно.

Завтра. Или послезавтра.

А сейчас пойду работать. Скоро ехать на праздник. Буду веселиться. БЕЗ ТЕБЯ!

Телефон вибрирует новыми поздравлениями от всех подряд. От самых близких, до тех, у кого что – то заказывал по интернету.

А я каждый раз смотрю в экран в надежде. Глупой, бессмысленной. Он не напишет. Год прошел с последнего сообщения. Еще больше с последней встречи. Наверное, действительно пора перевернуть эту страницу и жить дальше.

Он обрел свое счастье, пора его найти и мне. Вот, например, прямо сейчас отправиться за сыном в садик и поехать отмечать свое тридцатилетие. То же мне событие. Вот двадцать девять мне нравится, это еще не тридцать, хотя уже и не двадцать. А что теперь?

— Почему у всех есть папы, а у нас нет?

Вот те раз. Отличный подарочек на день рождение. Я надеялась, что мне не придется отвечать на этот вопрос хотя бы лет до шести. Но ответ у меня заготовлен давно.

Смотрю в зеркало заднего вида на Карима, который чуть нахмурившись ждет ответа.

— У тебя есть папа, как и у всех. Однажды ты с ним познакомишься, — надеюсь не скоро. – Просто он живет очень далеко и не может нас навестить.

— Он много работает?

— Да, очень много, — Марат уже занял десятую строчку

в российском списке Форбс. Все никак не успокоится, а я после смерти отца не могу починить машину. — И еще у него другая семья.

Наверное, стоило придумать что — то более радужное, но я не считаю, что стоит оберегать ребенка от реальности. Она все равно ворвется в его жизнь так или иначе.

— Он нас не любит?

— Он нас не знает. И вот скажи, тебе, что плохо живется?

Он пожимает плечами. На время смотрю. Восемь уже.

— Дядя Андрей постоянно рядом, играет с вами. У тебя есть я. Тетя Алина. Леша тебе почти как брат. Тренеры на футболе твои в конце концов. Разве тебе плохо? Скучно?

— Не скучно.

— Ну вот и все.

— А когда я познакомлюсь с папой? — ну что заладил?

— Однажды, когда придет время.

— А когда придет время?

— Однажды.

— Это ооочень долго, — конючит он почти до самого праздника, но как только видит вывеску любимого детского клуба тут же приходит в себя.

Так уж повелось, что дни рождения взрослых в нашей небольшой компании мы справляем точно так же как детские. Ну а что. Дети с аниматорами, мы пьем.

Паркуюсь возле торгового центра и наконец выхожу из машины и снова чувствую вибрацию телефона. Уверенная, что

это подруга, что уже внутри и волнуется, беру трубку.

— Да я уже здесь...

— Где здесь, Вик?

Я торможу, крепко сжимая в руке ручку дверцы, которую открывала.

Наверное, будь я на дороге, точно бы перепутала педали.

Лично сейчас я забыла даже как дышать.

Долгий рабочий день ничего по сравнению с голосом, который я не слышала, дай боже вспомнить. Четырнадцать месяцев. В грудь словно кнутом стеганули, так она болит. А горло перехватывает в попытке остаться хладнокровной.

— Очевидно, там, где нет тебя.

— С днем рождения, Вик.

— Ты мог просто написать, необязательно было тратить время на звонок. Его у тебя всегда мало.

Глава 2.

— Ты не приехала на конференцию. Почему?

Да, почему.

Я уже не раз задавала себе этот вопрос. Почему я решила прекратить наши ежегодные встречи. Еще чаще задавала себе вопрос, почему вообще их начала.

Нет, конечно мне в тот год хотелось секса, а Марат, как обычно, был не против.

Да, конечно после тяжелых родов и долгого похудения мне хотелось ощутить себя желанной, а спать с кем – то другим я даже не планировала.

Сознательно поехала туда, где он будет.

Сознательно попалась ему на глаза, задав вопрос, пока он речь толкал.

Сознательно открыла, когда он постучался в номер.

Господи, как он смотрел. Сжирал меня глазами, сжимал кулаки, собирался открыть рот, чтобы начать орать. Такой знакомый, родной, но уже чужой. Давно чужой.

Я втянула его в комнату, и сама поцеловала. Первой. Закрыла рот, не давая сказать ни слова. Оторвалась от его горячих, твердых губ только лишь затем, чтобы сказать зло и безжалостно.

— Одна ночь. Ты не задаешь вопросов, а я не устраиваю истерик. Либо убирайся.

Он думал ровно тридцать секунд, а я вдыхала его густой, насыщенный мужской аромат, пыталась надышаться перед смертью. Думала, реально умру, если он откажет. Пошлет меня куда подальше. И ожила в тот миг, когда он дернул мои красиво уложенные волосы и толкнул к стене, врезаясь губами в мой жадный рот. Не жалел, вдавливая в стену. Не сильно ударилась затылком, но кайфовала от бешеной страсти, что искрила между нами.

Марат сдирал с меня халат, оставляя меня обнаженной, беззащитной. Вгрызался в грудь. Торопился так, словно я могу передумать, словно сам боялся передумать. Поднял меня в воздух, щелкая пряжкой ремня. Мои ноги уже были широко разведены, а его член упирался между. Никакого белья. Я ведь ждала его. Никогда не забуду рык, с которым он в меня вошел. Безжалостно. Грубо. Болезненно даже. Но какой же был кайф снова чувствовать его в себе. Ощущать мышцами всю его мужскую мощь и силу. Грубую. Где – то даже звериную.

Он впервые трахал меня не на постели, и я ликовала, что довела его до такой грани, когда обратного пути не будет. Довела Марата, который поклялся быть верным другой. Мой правильный, честный Марат.

Тогда я думала... «Только одна ночь, чтобы доказать себе, что он все еще хочет меня. Не смотря, ни на что, хочет только МЕНЯ»!

Доказала.

Мы всю ночь занимались сексом. Без света. Без разговоров. Только стоны в полной тишине, только звучные шлепки тел, что так долго томились друг по другу. Господи, с утра он даже предложил долю в его бизнесе, который мы, когда — то вместе развивали, место в его постели, а я показала средний палец.

— Приходи, когда разведешься, — это касалось и правды о сыне.

Он промолчал, а я ушла. Обиделась и пообещала себе, что больше с ним никогда не увижусь. А ровно через год нарушила обещание.

Дура? Какая же я дура.

— Вика! Почему? — его голос, искаженный интернетом, бьет по нервным окончаниям.

— Потому что ничего нового мне так все равно не покажут.

Секс без разговоров, а на утро стандартное предложение вернуться в Москву и получить свою долю в его бизнесе. Место в его гареме. Без печати в паспорте конечно. К чему она нам теперь? Были же женаты, хватит.

— Повторение мать учения, помнишь? — заладил он.

— Марат, нахера ты мне звонишь? — не выдерживаю, да и Карим уже выйти просится. Подруга вон бежит. Волнуется. А меня уже потряхивает. От воспоминаний, от мысли что он думал обо мне.

— Потому что знаю, что твой отец умер, — спасибо,

блядь, что напомнил. — Потому что его имущество забрали за махинации, а ты осталась с голой жопой.

Отхожу от машины, потому что еще немного и из меня польется отборная брань.

— Тебе не терпится прикрыть мою жопу или ты просто хочешь туда что — то вставить? — благодетель, хренов.

— Вставить тебе я тоже не прочь...

Да блин! Так хорошо было, а он все испортил. Я ведь почти его в черный список внесла.

— У меня был отличный день, а ты его испортил! — хочу отключиться, но он вдруг говорит:

— Могу исправить, прямо сейчас. Я в Новосибе.

— Что? — у меня даже дыхание перехватывает. Невольно по сторонам смотрю. на Карима, что в нетерпении топчется возле машины. Тут же взглядом умоляю подругу увести его внутрь. — Ну я рада, что ты в Новосибе. Мне то какое дело?

— Вик. Не начинай. Я знаю, что ты живешь в Новосибирске.

— Как... — господи, я столько денег потратила на новые документы. Оставила только один мессенджер, по которому меня никак не вычислить, а он все равно меня нашел. Мне так нравилось появляться в его жизни и исчезать, а что теперь.

— Вика, не молчи. Я хочу тебя увидеть, нам нужно многое обсудить...

Охренеть просто. Меня колотит. Злость, обида, раздраже-

ние ядовитым веществом впитываются в кожу, разрушают мое равновесие изнутри.

— Марат, а ты ничего не попутал? Ты может быть развелся? Или сперматозоид, который сделал бейбика другой бабе в себя обратно всосал?

— Не начинай. На конференции год назад же как — то трахались, тебя печать в моем паспорте не волновала, а сейчас что?

— А... То есть тебе ежегодного траха со мной не хватило для гармонии? Ты поэтому примчался? Вали обратно, и к нам не приближайся!

— Мы в любом случае увидимся. Либо ты приедешь ко мне в отель, либо я наведаюсь к ВАМ домой. С кем ты кстати живешь? Он не против, что тебя трахает бывший? Или это уже для тебя в порядке вещей?

— Ты, как обычно, скор на суждения. Конечно не против. Я же без денег, теперь трахаюсь со всеми подряд, чтобы прокормиться.

Он смеется. Серьезно? Ему смешно?

— Что – то не похоже. Найди, пожалуйста, место в своем плотном расписании.

— Не найду. Не звони мне больше. Никогда.

— Я это уже слышал, у тебя слишком короткое «никогда», — издевается этот подонок.

— Прощай, Марат, — говорю спокойно, хотя хочется кричать. – Мне не нужны твои деньги, и ты не нужен. Возвращайся.

щайся в Москву. К жене и дочери.

Отключаюсь.

Меня от злости так распирает, что будь он рядом я бы запустила в него телефоном, но я просто бросаю гаджет об асфальт.

Чееерт!

Ахаю, понимая, что натворила. Телефон просто вдребезги.

– Мало того, что Марат мне всю жизнь испортил, предал, бросил, так теперь телефон новый надо брать.

Собираю осколки, складываю в сумочку и иду на праздник.

Праздник блин.

Вот так и знала, что лучше было дома остаться. Так и знала, что давно пора внести Марата в черный список.

Ну почему я никогда не следую своей интуиции. Она у меня гораздо разумнее сердца. Гораздо.

Отлично, теперь я даже никому перезвонить не смогу.

Глава 3.

Я захожу в детский центр в полном раздрае. Разговор с бывшим просто убил. Пришлось даже прикрыть глаза, как бывает, когда только просыпаешься, а солнце светит раздражающе ярко. Вот и меня все раздражало. Яркий свет. Детские крики. Более того, я просто уверена, что не смогу высиживать свой праздник и не наорать ни на кого. Возможно в итоге нас просто попросят удалиться и нам придется искать новый центр для развлечений. Так что лучше уйти. Праздник можно и дома, с тортом и чаем. И ведь раньше всем этого хватало.

— Мама, — сына подбежал и уткнулся мне в коленки, очевидно своим детским радаром чувствуя, что я не в духе.

Не знаю, как у него это выходит, но стоит ему так сделать, как раздражение спадает толстой коркой льда. Бьется вдребезги, оставляя в уголках глаз капельки воды.

Я сажусь на колени, крепче обнимаю Карима, вдыхая его чистый, свойственный только ему аромат. Мальчик мой. Моргаю пару раз, смотрю что уже подруга рядом.

— Ты меня любишь?

— Больше всего на свете, малыш, — отстраняюсь, смотрю на его личико. Он уже успел где — то в краске измазаться. — Только ведь пришли?

— А там на лице красят. Можно мне. Я хочу быть бетме-

ном. Знаешь, таким черным.

— Милый, я помню кто такой бетмен. Иди тогда вставай в очередь, похоже ты не единственный кто хочет быть бетменом.

Он тут же убегает, а я наконец, поднимаюсь на ноги.

— Вик, что случилось.

Открываю сумку, в которой как осколки прошлой жизни лежит мой разбитый телефон.

— Пойдем новый купим.

— Уже не сегодня, — снимаю пальто, шапку, отношу в гардероб. Алина семенит рядом.

— А первопричина? Ты с кем разговаривала?

— С бывшим, — забираю номерок и иду снимать обувь. Замечаю в руке Алины свои балетки. Ну что за чудо женщина. — Откуда?

— Купила. Помню, что на моем дне рождения ты жаловалась на замершие ноги.

— Я тебя люблю, знаешь? — реально. Просто подарок судьбы, а не подруга. Даже не сравнить со всеми, что у меня были. И ведь ничего особенного. Мы встретились в поезде, когда я ехала в Новосибирск. Уезжала беременная и обиженная на весь мир, уверенная, что больше никогда не заведу подруг.

А тут эта мелочь. Маленькая, черноволосая, заплаканная. Тоже сбежавшая. И тоже беременная, пусть и на несколько месяцев меньше чем я. Она сбежала от любовника, который

не хотел разводиться ради нее. Новые документы ей помогла сделать влиятельная подруга. Это не я, если что.

Я же как это обычно бывает взяла роль наседки. Как и много раз до этого, с другими людьми. Но почему – то именно эта девчонка стала мне ближе всех тех, с кем я общалась, кому я спала жизнь, кого я любила.

Эта девчонка с тяжелой судьбой, но очень сильная. В отличие от других, когда в ее жизни появился мужчина она не пошла у него на поводу, а наоборот поставила ультиматум, что хочет остаться в Новосибе, что ее место здесь, что она не хочет оставлять меня. Для меня много чего хорошего делали, но никогда я не испытывала такой благодарности.

Даже сумела кое – как найти общий язык с ее мужем Андреем. Хотя и не сразу.

— И я тебя люблю. Расскажи, что случилось, пока мы в компанию не пришли. Там нам будет не до секретов.

Она посадила меня за пустой столик в углу большого зала, где в центре была игровая зона. Я тут же увидела наших малышей. Моего Карима и ее Лешу. Они хоть и частенько дрались, но были не разлей вода. Вот сейчас катались на тарзанке. Весьма ловко, надо сказать.

— Обезьяны, — усмехнулась я, помахав им рукой.

— Вика. Рассказывай.

— Да чего... Марат звонил.

— Как? Он же номера твоего не знает. Или знает?

— Да по ватсапу. Я на автомате взяла, думала ты уже ку-

дахчешь.

— Так... — она вся напряглась. — Капеец... Звонил, ты взяла. А зачем?

— Ну так я же не приехала на конференцию. Он очевидно заволновался, что его член отпадет без секса со мной.

— Вика, — Алина прыснула со смеху, посмотрев по сторонам, а мне вообще не до него.

— Сказал, что в Новосибе. Хочет увидеться.

— Ого, — Алина раскрыла свои и без того большие глаза. — А ты чего?

— А я послала его. Блин, Алин, если он про Карима узнает, — я прям ощутила, как меня окатило дрожью, словно в теплое помещение забрался сквозняк. Тело заныло, а пальцы занемели.

— А что он сделает? Ну то есть... Он, наверное, обрадуется?

— Обрадуется? Он меня убьет. Он сына знаешь, как хотел. Все имя ему помню выбирали, в те моменты, когда умудрялись быть рядом и не ругаться. Он кстати очень не хотел, чтобы Карим был.

— Ты назло назвала? — смеется Алина, а я киваю.

— Все делаю назло.

— Вик, а может к лучшему все. У мальчика должен быть папа.

— Не начинай. У Карима довольно много мужчин вокруг него. Твой Андрей. Тренера. Тюфяком он не растет.

— Ну причем тут это...

— Алин, не беси. Ты понимаешь, что если он войдет в жизнь Карима, то с ним войдет и его нынешняя жена, и ее расчудесная дочка. Я как это все мальчику объясню. Вот нахера ему такой стресс, потом. Когда психика станет более гибкой. Лет в тридцать думаю.

Алина хохочет, но быстро становится серьезной. Правда ненадолго.

— Что жизнь немного сложнее, чем мимишки?

Мы заржали, как кони, ей богу.

— Все, не хочу об этом думать, — слезы наворачиваются. Потом еще объясняй всем, что со мной. — Узнаю, чего он хочет и отправлю восвояси. Наверное, Марат жаждет поделиться со мной своими накоплениями. А я и не против.

— Давно ли? — смеется Алина. — А кто кричал, что не возьмет у него не копейки?

— Я кричала?

— Ага. Грозно так.

— Ну да. Но если для того, чтобы он отстал нужно принять на счет пару миллионов я не против. Только чтобы он уехал в свою идеально правильную жизнь.

— Не такая уж идеальная она у него, раз позволяет себе с тобой спать. Ты кстати помнишь мое мнение на этот счет.

— Вот кстати, это ты виновата. Отпустила меня бы в этом году, ничего не было. Мне кажется пока я присутствовала в его жизни, хотя бы номинально он и не парился. А тут не

приехала, какой кошмар, срочно нужно найти и вкачать очередную порцию спермы. А то не проживет еще год. У него это наверняка даже где — то в ежедневнике написано. Трахнуть Вику.

— Или в гороскопе.

Мы снова смеемся.

Блин, она как чего выдаст, хоть стой хоть падай. Заходим в кабинку, где собралась наша компания. Все тут же кинулись меня поздравлять. Да я шучу. У нас так не принято. Мы просто поднимаем тосты и обсуждаем детей по большей части. Потому что компания у нас чисто родители с садика.

Не все конечно, просто несколько адекватных мамочек и парочка отцов.

Вообще, я сама это организовала. Кто бы сомневался. Выбрала из тех папаш, которые ко мне не клеились и из тех мам, что не смотрели волком, если я прихожу в юбке выше колена. Такие чтобы и депиляцию можно было обсудить и брак, прошлый или настоящий. Но это точно не те люди, с которыми я готова делиться личным, хотя раньше могла о себе рассказать каждому новому знакомому. Была как открытая книга, но со временем повесила такой замок, от которого ключ смогла подобрать только Алина. Да и то, далеко не сразу.

Она воркует со своим Андреем. Пиццы ему подкладывает. А он между прочим и так не маленький мальчик. Выше ее на голову, шире в два раза. Еще и бородатый. Не бизнесмен прям, а дальнобойщик.

— Я поняла твой план, Алин. Ты хочешь его так раскормить, чтобы больше не одна женщина не посмотрела.

Ребята рассмеялись, а Алина фыркнула.

— Тогда его надо с БМВ пересадить на жигули.

— Лучше трактор, знаешь, который дороги убирает.

— Блин, да, я никогда не замечаю кто там за рулем, будь там даже Бред Питт...

— Бред Питт уже старый, мне по душе Джейк Джилленхол

— Это не он в Горбатой горе играл?

— Так-так, шутки про ЛГБТ нужно поубавить, забыл про новый закон?

— Точно, — смеюсь я, хотя от хохота уже грудная клетка ломит. — Кстати, Андрей. Ты заметил связь. Как мы перешли с тебя на новый закон?

Играю бровями, но его брови нахмурены.

— Хочешь сказать, что я и есть закон?

Мы снова смеемся, а я одобрительно киваю.

— Ты закон только для Алины. Она готова слушаться тебя беспрекословно.

— Ну так все правильно. Женщина без мужика — это как страна без конституции. В ней хаос и постоянные распри, так что...

— Уже не смешно, — дала Алина ему подзатыльник, а он похлопал глазами. И чего сказал вроде. Ничего такого, но в свете новых фактор его слова как серп по нервным клеткам. Но положение спас Карим, который прибежал и потянул ме-

ня в игровую зону. Ему срочно требовалось мне показать, чему он научился за последние двадцать минут и показать, как ему нарисовали на глазах бетмена.

Глава 4.

Наши дни.

По итогу то вроде неплохо погуляли. Меня даже затащили на батуты, и я там показала класс. Один раз даже смогла сальто прыгнуть и прыгнуть в шпагате. Все-таки трехразовые тренировки прошли для меня не зря. Потому что видеть восхищение в глазах своего ребенка — бесценно.

- Мам, ты самая крутая у меня, — обнимает он меня, и мы прыгаем в бассейн с мягкими шариками. Практически в нем тонем. Выбраться помогает инструктор, который очевидно закрыл глаза на мое веселье. Смотрит так, что еще немного и стрельнет телефон. Я делаю лицо. Знаете, такое, чтобы мужик не то, что подойти боялся, даже смотреть в мою сторону. И это, как обычно, работает.

Мы забираем остатки торта и идем на выход.

Одеваемся, прощаемся со всеми.

— Отличный вышел праздник.

— Вика даже ни на кого не орала.

— А значит мой день рождения мы проведем здесь.

Я даже не оборачиваюсь, закатываю глаза. Вот вроде нормальные, а все равно меня стервой считают. Сына просит игрушку, но я уже отказываю. Праздник и так влетел мне в копеечку, а скоро нужно будет машину загонять на техосмотр. Последнее время она сильно нагревается. Да и тренировки

Карима тоже стоят денег.

— Ну мам.

— Нет, малыш. На сегодня праздник завершен.

— Вик, давая я куплю.

— Алина. Давай ты не будешь заниматься благотворительностью, когда я говорю нет. Это значит нет. Ты понял?

— Это уже Кариму. Он дует губы, но кивает и идет надевать куртку.

— Штаны тоже.

— Ладно... — бурчит он.

— Простите, — ко мне подходит девушка администратор. Я уже всем помахала, всем улыбнулась, пора заняться финансовой частью. — Заберите, пожалуйста, чек, если он вам нужен.

— Погодите с чеком. Мне же еще остаток оплатить надо.

— А его уже оплатили, — она говорит это, а меня как током простреливает. Я отвожу взгляд с обиженного Карима на девушку. Мельком замечая, что ее брови согласно моде чересчур широкие. Наверное просто делаю все, чтобы не думать о том, кто мог опатить праздник.

— Алин. Посмотри за Каримом.

— Что случилось?

- Пока не знаю.

Иду за девушкой. Она заходит за свою стойку, а меня начинает накрывать паника. Думаю о телефоне, что разбитым лежит в сумке. Даже не позвонить и узнать.

Если все оплатил он, то где он и почему еще не кричит, что я украла у его пять лет жизни с сыном. А я даже не сомневаюсь, что он будет это кричать. И мои аргументы вряд ли будут его волновать.

— А кто оплатил? — все-таки узнаю я, когда она мне отдает чек. Там ничего не понятно, просто номер карты.

В этот момент я чувствую, как сердце заходится от волнения. Стучит так громко и часто, что сложно дышать. Кажется в момент весь воздух выкачали из помещения, вынуждая меня задыхаться.

Мне даже оборачиваться не надо, я знаю, что он стоит прямо за моей спиной, сверлит затылок своим карим тяжелым взглядом. Я на миг ныряю в прошлое, туда, где впервые увидела его. Даже не так, ощутила. Словно ниточка уже тогда соединила наши судьбы и как не режь, она не рвется.

— Так это не ваш муж? — удивленно вскидывает густые брови девушка, подтверждая мои опасения, а чувствую, как каменеет тело, а шея даже при всем желании не хочет двигать голову, чтобы посмотреть на моего «мужа». Зато слова льются прежде, чем я успеваю подумать про их смысл.

— Бывший муж, который еще не успев получить свидетельство о разводе, обрюхатил другую.

Зря, зря я это сказала, но насколько же теперь легче дышать. Насколько проще повернуться и посмотреть в сердитое лицо, карие глаза, обрамленные черными на зависть длинными ресницам.

— Молодец. Теперь коллективу этого заведения будет что обсудить.

— Моя миссия на этом свете дарить людям сплетни.

— Не поспоришь, тебя всегда все обсуждали. Странный выбор для вечеринки, кстати. Да и ты еще не пьяная.

Поворачиваюсь уже целиком. А где крики, где скандал. Постой-постой. Он не знает про Карима.

Еле сдерживаю хохот. Он узнал, где я живу, где буду праздновать свое тридцатилетие, но даже не подумал узнать, есть ли у меня ребенок. Ну это даже справедливо, я категорически отказывалась его заводить. Да и с Каримом получилось случайно.

— А ты поэтому пришел в конце праздника. Хотел увидеть меня уже бухой и ждал, что я упаду в твои крепкие объятия. Кстати, тебя разнесло.

И это правда. Он стал крепче, шире за этот год, но к моему сожалению, это ему идет. Более того, в волосах даже намек нет на сединку.

— А у тебя наконец появилась грудь. Но я это еще четыре года назад заметил.

Заметил, но не понял причину, потому что идиот.

Мы стоим так уже сколько? Просто впитываем образ друга друга.

Я пытаюсь вспомнить все плохое, что сделал мне этот мужчина, но память услужливо подсовывает только моменты, когда мне было с ним хорошо. И да, по большей части

эти моменты упираются только в секс.

С ним у нас никогда не было проблем. Я по своей наивности полагала, что раз в постели все хорошо, то в жизни мы сможем найти компромисс. До самого конца верила, что он не осмелится жениться на Лейле, что любит меня слишком сильно и готов понять, принять, простить.

Ох, как же я ошибалась.

Глава 5.

*** Около пяти лет назад ***

Мы помиримся, на этот раз точно помиримся.

Столько раз ругались, мирились, сходились, расходились.

Такое ведь не забывается. Такие чувства нельзя убить пощелчку пальцев.

Я наконец скажу ему про беременность, о которой он не знает. Он так долго мечтал о сыне.

А потом мы обязательно поедем отдыхать, во второе свадебное путешествие.

Прямо сейчас мне принесли приглашение. На свадьбу одной молодой пары, которая уже в самом разгаре. А в приглашении стоит фамилия. Балаевы. Наша с Маратом фамилия.

Значит это он прислал приглашение.

Значит он меня там ждет и простил меня!. Значит Марат не подписал документы о разводе!

Значит я еще смогу быть счастливой.

С ним. Боже! Спасибо!

Потому что без него никак.

Я собираюсь на свадьбу, как на собственную.

Выбираю красивое зелёное платье до колен. Любимый цвет Марата. Собираю волосы наверх, оставляя шею открытой, как он любит. Надеваю чулки, надеясь уже по пути домой соблазнить его. Конечно завершаю образ шикарными

лодочками на низком каблуке, на высоких я перестала ходить еще на третьем месяце беременности, когда начали отекать ноги. Остается легкий макияж, чтобы если начну реветь от счастья, не была похожа на панду.

Заказываю такси и всю дорогу тереблю чертово приглашение, бережно поглаживая фамилию Балаевы, выделенную золотым цветом. Обожаю эту фамилию и его обожаю.

И скажу ему об этом.

В благодарность, что бросил свою идеальную золушку, в благодарность, что все-таки принял меня такой, какая я есть.

Я немного волнуюсь.

Все-таки два месяца не виделись.

Теперь он увидит мой живот, теперь я уже не смогу скрывать беременность.

Выйти из машины мне помогает водитель. Так и хочется сказать, чтобы слюной не захлебнулся. Зачем мне его внимание, если меня ждет самый лучший мужчина на свете?

Мой первый.

Любимый.

Всегда желанный.

Поправляю чуть задравшееся платье и иду вперед, в отель, где уже в разгаре клятвы молодожёнов.

Синицын Кирилл и Солодова Елена. На самом деле мне плевать на имена, которые указаны в приглашении, самое главное, что там есть моя фамилия.

Самое главное, что мы с ним еще вместе, пусть пока даже

на картонке.

Я поднимаюсь по лестнице, подаю приглашение администратору на ресепшне. Осматриваюсь. Тот отель, в котором я работаю последние месяцы, гораздо меньше этого комплекса, а администраторы не такие пафосные.

Вот и эта смотрит на меня то ли с завистью, то ли с жалостью к моему положению, а в следующий миг на меня летит не просто камень, а булыжник, потому что она отдает мне приглашение и кивает на зал со словами.

— А Балаевы уже здесь. С самого начала. Вы точно свое приглашение взяли?

Я стою пораженная.

Не может быть. Не может быть.

И верить сейчас этой крашенной пергидролью мымре, я не собираюсь. Достāju паспорт и показываю ей, чтобы убедилась.

— Это моя фамилия, а там мой муж, так что вы очевидно ошиблись, — не демонстрировать же ей, как мне страшно.

— Тогда конечно проходите в ресторанный зал.

Я киваю. Забираю паспорт, приглашение и иду в зал.

Только чем ближе я подхожу, тем сильнее в висках стучит пульс.

Он не мог на ней жениться.

Не мог. Не мог!

Не так быстро.

Но я толкаю дверь, оказываясь в гамме белых красок, шу-

ма, радости на лицах гостей, которые поздравляют потрясающе красивую пару. Они счастливы, это видно по их лицам, по рукам, что тянутся к друг другу.

А вдруг я никогда не смогу, как они?

Вдруг, я навсегда останусь одиночкой.

И тут на глаза наконец попадается он.

Мой Марат. Все меркнет, вокруг белый шум, а в центре только его он. Высокий, сильный, потрясающе мужественный. К нему как солнцу хочется тянуться, его хочется любить. Даже если он бывает груб. Даже если бывает жесток. Кончики пальцев немеют, словно я уже его касаюсь. Терблю идеально выглаженный воротник белоснежной рубашки, сидящей на широких плечах как влитая, обрисовывая сильные руки, увитые тугими мышцами. Я знаю, видела. Столько раз видела, как он работает на своем телом. Как работает над моим. Хочется напомнить ему, как это было. Хочется встряхнуть его.

Последний раз мы виделись, когда я выкидывала его из своей съемной квартиры. В разорванной одежде, после получасового эротического марафона, взъерошенного и злого. Такого же прекрасного, как сейчас. Я думала, что секс поможет. Поможет его вернуть. И когда я звала, он приходил. Но это никогда не решало проблемы.

Он улыбнулся. Небрежно, склонив голову к собеседнику. И я перевела взгляд.

Нет!

Сердце сжалось, а я пару раз моргнула, чтобы сдержать слезы радости.

Черт, как же я скучала.

И лучше бы я не моргала. Лучше бы вообще ослепла. Потому что рядом с ним стояла она.

Та, которая разрушила наше счастье. Та, которая забрала моего мужчину. Чертова золушка. И она была беременна. Беременна так же, как я.

Я закрыла глаза, не веря им. Я закрыла уши, не желая слушать смех и радость, не желая встречаться ни с кем, кто наполнял мою жизнь раньше.

У них будет счастливый финал, а я останусь одна. Снова одна.

Есть вещи, которые не меняются.

Я убежала в сторону туалетов, закрылась в кабинке, чтобы сделать то, что хочется больше всего на свете— услышать его голос.

Набрала его номер, который удалила в истерике, но который помнила наизусть, еще лет с восемнадцати. Он отвечает сразу. Удивительно, ведь обычно он так занят!

— Можешь приехать? – как давно я не говорила эти два слова, прекрасно зная, что когда в моем голосе такая паника он будет орать, но приедет.

— Что случилось? Я сейчас пришлю людей и они помогут. Да, точно. Теперь у него много подчиненных. Мне нрави-

лось, когда он сам решал свои проблемы. Мои проблемы.

— А сам?! Сам помочь не хочешь?! Или тебя твоя новая беременная жена не отпускает?!

Он замолкает, а я вою в трубку.

— Вик, ты же знала... Ты блять все знала!

— Ничего я не знала. Не знала, что почти сразу после расставания со мной ты трахнешь ее. Когда мы встречались о ней не было и речи! Я думала мы все исправим. Я думала...

Какая же я дура.

— Вик, ладно, давай приеду, — обречённость в его голосе, как серп по нервам.

Он конечно приедет, даже возможно снова трахнет меня, если бы я не беременной была, но потом все равно уйдет к своей невинной, сладкой девочке, потому что она послушная, всегда при нем, хозяйственная. А я горькая, я плохая.

— Кто у вас будет? - мне нужно знать.

- Что?

— Девочка. Вик, где ты. Я сейчас приеду. Ты дома?

Мне хочется засмеяться, потому что я то как раз жду от него мальчика, о котором он никогда не узнает. Никогда. Потому что выбор свой сделал.

— Я не дома. Мой дом был рядом с тобой. Но ты сжег его до тла!

— Вика! – он уже рычит, я всегда вывожу его на эмоции. Порой на рукоприкладство. – Не я был поджигателем.

— Но ты и не попытался остановить пожар! - ору я в труб-

ку, а потом резко замолкаю, понимая, что никакие мои крики не изменят ситуацию. Дом сожжен, пора двигаться дальше, пусть даже по раскалённым до красна углям. - Прощай, Марат. Счастливой тебе семейной жизни.

— Вика! Не бросай трубку!

Я уже отключаюсь и стекаю по стенке, чтобы заглушить боль слезами. Словно это когда-то то помогало. Словно слёзы могли решить хоть какую-то проблему.

Глава 6.

Я сильная, да? Я обязательно первой прерву этот зрительный контакт и дам понять, что мне от Марата ничего не нужно. Все, что было нужно, я уже получила сполна.

— Если это все, то спасибо за подарок и прощай.

— Никаких прощай. Нам нужно поговорить.

— У меня нет телефона. Я свой разбила.

— А я догадался, когда ты шипела мне в трубку, как змея, — меня прям подкинуло. Это я то змея?

— Ты меня змеей обозвал? – поворачиваюсь и смотрю в его спокойное лицо, а потом он вдруг протягивает мне коробку. И по форме я прекрасно знаю, что там.

Айфон. Последний. Я не меняла свой уже лет пять. Собственно последним был именно подаренный Маратом.

Но этот я не приму. Только не от него.

— Мне не нужно. Я могу сама себе позволить телефон.

— За сто пятьдесят тысяч?

— Слушай, а ты зачем приехал, покупать меня? Так вот, я тебе не по карману. И никогда не была. Может поэтому у нас ничего не вышло? — хмыкаю я. – Уезжай, Марат, здесь тебе ловить нечего.

Хочу уйти, но этот придурок хватает меня за руку.

— Пойдем поговорим, может чего и поймаю.

Нет, я конечно могу вступать здесь в драку, но меня же

опять потом в черный список внесут, так что остается только бессмысленно дергать рукой, пытаясь вырваться из стального захвата.

Черт, какие у него руки. С длинными пальцами, венами. Главное не думать, что он умеет ими делать, и все-таки попытаться отослать его подальше, пока не вышел Карим.

— Ладно, черт с тобой! Скажи, какой у тебя отель и номер, я приду.

— Сегодня.

— Нет, не сегодня. Завтра приду.

— Хочу отметить твой день рождения.

— Я не буду с тобой пить, — шиплю, вот реально змея. — И трахаться тоже не буду.

— Посмотрим, — все-таки отпускает он меня. — Стайл Виктори. Номер семьсот.

— Что? Ты открыл здесь филиал? Когда?

— Еще года два назад. Я не знал, что ты здесь.

- Конечно не знал.

— Я поняла. Иди уже. Иди, я сказала! Я приду.

Он кивает и уже поворачивается к выходу. Смотрю ему в спину и шумно выдыхаю. Надо Карима отправить на дачу к Алине с Андреем. Пусть воздухом свежим подышит.

— Давай быстрее улепетывай со своей идеальной задницей, — шепчу про себя, про себя же любясь тем, какой он все-таки ладный. Легко могу представить его обнаженным, настолько часто я чертила каждую линию его тела пальчика-

ми. Помню даже, что на левой ягодице есть родинка.

— Черт, забыл, — оборачивается он и снова идет ко мне, несет проклятый телефон. Да блин. Ладно, возьму, вечером верну в отеле.

— Давай уже быстрее.

— А ты куда так торопишься?

— Блядь, Марат, просто свали отсюда, ладно?

— Да понял, я понял, что ты не жаждешь меня со своими новыми друзьями знакомить. Они такие же отстойные, как были раньше. Согласись, что друзей ты выбирать не умеешь?

— А ты женишься второй раз и все неудачно.

Он мрачнеет на глазах. А что? Он думает, только он знает мои болевые точки.

Хочет подойти, очевидно что-то сказать важное, грубое, в его стиле, но в этот момент мой слух простреливает пронзительное

— Мама! Мама!

Столько разных оттенков у этого слова, но вот именно сейчас болезненное. И я точно знаю, что орет мой Карим.

Я оборачиваюсь и тут же бегу на зов, забывая про Марата.

— Вика, — слышу вслед, но это уже не важно. Нахожу на одной из многочисленных кушеток ревающего Карима, Алину, что крутится вокруг него, и администратора. Еще бы она не крутилась, у сына кровь из носа хлещет.

Я тут же достаю из кармана салфетки и сменяю Алину, что зажимает ему переносицу, ей вручаю коробку с айфо-

ном, сажусь рядом с сыном.

Вижу, что ударился, но как так вообще вышло?

— Больно?

— Тебя не было, а мне было больно, — тут же канючит он. — Я с горки упал.

— Это случайность, — тут же щебечет администратор. — Такое у нас впервые.

— Тогда вам наверное стоит компенсировать нам оплату праздника, если вы не хотите, чтобы об этом узнали, верно? Ведь безопасность детей в вашем парке на первом месте.

— Да, да, конечно, я сейчас же обговорю этот момент с руководством.

— Вика, — Алина качает головой, а я замечаю, что кровь наконец прошла.

— Просто хочу кое — кому деньги в лицо швырнуть.

— Вик, — его голос как нож в спину. Я уже и забыла о нем. Ну нет, конечно, просто не думала, что он остался. Даже обувь снял и пошел за мной.

— Марат, иди уже.

Вытираю сына, смотрю в карие покрасневшие глаза, а у самой внутри все клокочет, нервы так натянуты, что еще немного и порвутся.

— Вик...

— Да что?! — да сколько можно меня мучать? — Что ты заладил?

— Это чей ребенок?

— Марат. — тут же поднимается Алина, — приятно познакомиться. Наслышана о вас.

Не вижу, чего там происходит, зато прекрасно слышу очередной рык.

— Вика, ты можешь ответить на вопрос, бл...

— Не матерись, — тут же вскакиваю, стреляя в него злым взглядом. — Тут вообще — то дети.

— Я вижу, — цедит он сквозь зубы. — Это... Это даже в голове у меня не укладывается.

— Ты всегда был в этом плане сильно ограниченным. Кстати, Карим, ты хотел познакомиться с папой. Вот видишь, он нашел на нас время.

Марат так напрягается, что кажется капилляры глаз сейчас лопнут. Будь мы одни, я бы уже корчилась в муках смерти. Так что хорошо, что здесь так много людей. Его губы поджаты, а на виске выступила капля пота. Он то сжимает, то разжимает руки в кулаки. Переводит взгляд с меня на сына и обратно.

Тут никакого теста ДНК не нужно и так все ясно. Сначала факт схожести этих двоих меня просто выбешивал. Я даже смотреть на сына не могла. А потом он заплакал, а я заплакала вместе с ним, поняв, что еще никогда ничего подобного не испытывала. Потому что, несмотря на все дерьмо, что мы с Маратом сделали друг другу, у нас действительно получилось создать что — то совершенное.

Отворачиваюсь от гнева Марата и смотрю в недоумеваю-

щее лицо Карима. Он маленький может, но не дурак.

— Мам... А можно мне ту игрушку. Ну ту.. С крылышками.

Еще один маленький манипулятор.

Достаю сто рублей и протягиваю ему. Ловлю взгляд Алины. У нее такие глаза, ей только попкорна не хватает. И она явно не хочет пропустить ни слова между нами. Но все понимает и уводит Карима, Лешу и Андрея, который все это время молчал.

Карим лишь на мгновение поднимает голову на Марата, говорит: «Здрасти» и убегает. Может он еще не до конца осознал, а может просто не готов к тому, что его заветное желание сбылось так неожиданно.

Марат смотрит ему вслед, а потом делает резкое движение ко мне. Бычится, напрягается так, что сейчас взорвется.

— Я тебя сейчас убью, блядь.

— Тогда наш сын останется сиротой. Потому что ты сядешь в тюрьму. Место все-таки общественное.

— Как ты... Пиздец. Карим? Ты назвала его Карим? Назло мне, да? Когда ты... Я даже не думал...

— Да, Марат. Возраст берет свое, ты уже и двух слов связать не можешь.

Марат звереет. Я видела его таким всего несколько раз, и в те моменты он давал мне леща. Я не спорю, это было даже заслужено, но сейчас явно не то место. Он тоже это понимает. Берет меня за локоть, сжимает и тянет в одну из комнат.

— Отпусти меня!

— Заткнись, Вик. Сейчас просто заткнись, — он находит свободную и толкает меня туда. Закрывая дверь.

— Вообще-то это общественное место, — пытаюсь вразумить его, и говорить, а тем более скандалить здесь не стоит,

Говорю и говорю, а потом ахаю, когда он замахивается на меня кулаком. Вzbешенное чудовище. Почти кричу, но слышу треск. Кулак Марата врезался в стену. Раз, второй, третий. Он все долбил и долбил эту стену, смотря мне в глаза, а я видела там муки, видела, что он даже не извинится, если его окровавленный кулак случайно попадет не туда.

— Простите, но здесь нельзя закрываться, — входит администратор, но тут же застывает, а Марат поворачивается к ней и орет.

— Вышла вон!

Он опадает на стул, пальцами сжимая свои густые черные волосы.

— Ты должна была сказать мне о сыне.

Глава 7.

— Ты должна была сказать о сыне, Вика!

Вот как? Должна. Должна прийти вовремя, даже если застряла в пробке. Должна слушаться, потому что он мужчина. Должна молчать, когда он разговаривает с партнерами. Должна не возникать, если он пошел на встречу без меня. Должна молчать, если на встрече были шлюхи. Должна верить, что у него с ними ничего не было. Должна. Должна. Должна!

— Я тебе давно ничего не должна! – меня на части рвет.
— Ты, спешу напомнить, сделал свой выбор! У тебя есть ребенок. Мой тебе не нужен!

— Не нужен? Да ты совсем охуела, Вик? Я тебя блядь умолял мне ребенка родить, а ты нос воротила. Согласилась, когда накосячила, и все равно продолжала принимать таблетки. Врала мне! Опять!

Я даже рот открываю, чтобы защититься, а нечем. Потому что правда. Тем не менее. Я хотела попытаться, правда. Несмотря на свои страхи, всю неуверенность в себе, я хотела исполнить мечту Марата, но он как с цепи сорвался. Мы начали заниматься сексом только с одной целью - он вкачивал в меня такие литры спермы, что хватило бы на небольшой гарем. Его одержимость пугала, и я продолжила принимать таблетки, хотя врала, что у нас просто не получается и нужно

стараться больше. Вот он и старался.

— Как только появилась возможность избавиться от меня, ты даже не думал. Один мой косяк и ты тут же на развод.

— Один? Вик, ты обманула меня. В очередной раз. Я просто понял, что нихера тебе не нужен, что мне было делать, в ногах у тебя валяться?

— Да ты был рад! Конечно, наконец жизнь — дерьмо с Викой закончена, можно найти себе хорошую жену, раз из меня такую сделать не получилось. Тут же сделал ребенка другой. Так хотел от меня ребенка, так хотел, что моментально сделал его другой. Как, кстати, у Лейлы дела? Она в курсе, чем ее муж занят?

— Ты специально это сделала?

— Что из того, что я делала, было специально.

— Забеременела?

— Да, я же идиотка. Лечилась у психолога от страха забеременеть, а потом специально залетела. Мне кажется, у тебя реально с мозгами проблема.

— Так объясни мне как?

— Раком! Мы расстались, я перестала их принимать, а потом переспали, и я не подумала.

— Не подумала?

— Слушай, у меня день рождения, а ты мне мозг выносишь! Ты все узнал, молодец, теперь сваливай в Москву к своему ребенку.

— Я хотел ребенка от тебя! — он берется за волосы, про-

водит ладонью по лицу. Поднимает взгляд, прожигая мою грудь, живот, бедра. Наверное пытается понять, как мог быть таким ослом.

— Когда я был на свадьбе Синицыных, ты звонила. На каком ты была месяце?

— Почти таком же, как твоя Лейла. Вы начали встречаться гораздо позже, но детей ты нам заделал одновременно. Молодец.

— И ты решила мне ничего не говорить.

— Зачем портить тебе счастье, — пожимаю плечами. — Ты наконец получил то, чего хотел. Стал большим человеком, женился на послушной жене, которая родила тебе ребенка. Все же хорошо, чего ты бесишься то?

Он поднимается резко, почти вдавливая меня в стену. Берется рукой за шею. Не сжимает, лишь удерживает. А я пытаюсь справиться с тахикардией от его близости. От возбуждения, что бьется в броню моей гордости и обиды.

— Отомстила?

— Отомстила.

— Полегчало?

— Нет! Потому что это не вернуло тебя! Потому что ты все еще женат на ней. Я ждала, ждала, что может ты поймешь для себя что — то, что между нами было настоящее, а не эта ваша бутафория. Я сама приходила к тебе, сама предлагала себя, а что в итоге. Предложение партнерства и постель? Это все, чего я заслуживаю в твоём понимании...

— Вика... — он что — то хочет сказать, но все бесполезно. Уже давно бесполезно.

Он смотрит мне в глаза так долго, что тело начинает вибрировать. На губы, что пересыхают, и словно только он может их спасти. И снова в глаза. Он хочет меня. Всегда хочет. И я хочу. Только что это решит. Когда — то решало. Когда-то мне было достаточно раздеться, и конфликт на время утихал. Стоило ему раздеться, и я больше не истерила. Полная гармония, к реальной жизни никак не относящаяся.

— Я давала тебе шанс. Каждый год. И каждый год ты втапывал меня в грязь. Теперь я уверена, что даже наличие сына ничего бы не изменило. Ты же не можешь бросить бедную и несчастную Лейлу. Опозорить ее разводом, тем более, что она идеальная жена, в отличие от бешеной меня.

— Ты не бешеная.

— Да? А мне помнится, это твое любимое слово в отношении меня. Уходи, Марат. Просто уходи!

— Я уйду сейчас. — он отстраняется, но не двигается дальше — Но теперь ты от меня не отделаешься. Я буду участвовать в жизни сына.

— А если я этого не хочу? Ты не подумал, какого мне будет видеть тебя? А ему? Что ты скажешь? Что у тебя другая семья? Другой ребенок? Будешь навещать его раз в месяц, наезжая из своей Москвы?

— У тебя нет выбора.

Что? Что это значит?

— Будешь шантажировать меня?

— Если потребуется. И ты прекрасно знаешь, что, если потребуется, я найду рычаги давления и нашего сына будет воспитывать моя жена.

Я даже не думаю, просто размахиваюсь и даю ему пощечину. Такой силы, что голова дергается в сторону.

Он не отвечает. Еще бы. Сам понимает, какую херню сказал.

— Будешь давить, и я снова сбегу, Марат. И в следующий раз ты увидишь сына только на смертном одре.

Толкаю его в грудь и ухожу. Тут же вижу Карима, и семью Алины. Она жаждет подробностей, но я просто подхватываю своего малыша, сумку и иду одеваться.

Знаю, что Марат уже рядом. Он никогда не мог оставаться в стороне.

— Я погорячился. — говорит он и смотрит, как я одеваю Карима. Тот тоже глаза на папу пучит. Даже представить не могу, что в его голове творится. — Вика...

— Да, ты погорячился. Я поняла, не глухая.

— Просто иногда ты...

— Вы мой папа? — все-таки подает голос Карим, и Марат присаживается рядом с ним. Мои дрожащие пальцы никак не могут завязать чертов узелок.

— Иди одевайся, я помогу.

— Мне не надо...

- Я просто завяжу чёртovy шнурки.

Встаю, готовая крушить и ломать все, но просто достаю свою обувь с полочки и толкаю ноги в сапоги, во все глаза смотря на сына и отца.

— Да, я твой папа.

- А где ты был?

Марат поджигает губы, очевидно даже не зная, что сказать, но как обычно придумывает компромисс.

— Я был далеко, но теперь я буду рядом.

Фыркаю. Наверное, довольно громко, потому что Марат стреляет в мою сторону гневным взглядом.

— Ты врешь, да? Мама так делает, когда кто – то врет.

— Я не вру. И маме твоей тоже докажу.

— Нам пора.

— Я могу отвезти.

— Нас довезут Романовы.

Алина тут как тут. Отдает мне коробку, а я вручаю ее Марату.

— Карим, скажи папе пока.

— Пока.

— Пока. Вик. Надо поговорить. Нормально.

— Уже поговорили. Я приму решение и свяжусь с тобой.

Подхватываю сына на руки, и мы всей гурьбой уходим. Доходим до парковки, где стоят наши машины. Свою я решаю оставить здесь, так что загружаю молчаливого Карима на заднее сидение и сажусь туда же.

— М-да... У нас как – то все проще прошло, — замечает

между прочим Андрей.

— Ты не был женат, да и Алина у нас всепрощающая.

— Так говоришь, словно это недостаток.

— Это клиника. С другой стороны я этому рада, иначе ты была бы, как и я, одна.

Глава 8.

Мы возвращаемся домой. Я заносу Карима на руках в квартиру. Он уже спит. Да и меня, если честно, вырубают.

Не снимаю сапоги и прохожу сразу в детскую. Собственно, единственную комнату в квартире, помимо кухни.

Укладываю Карима на кровать и принимаюсь раздевать.

Делаю это машинально, стараюсь не думать, но слезы как — то само собой катятся по щекам, падая на ладони.

В машине Романовых я еще терпела и вообще смеялась над всей ситуацией, а вот сейчас накрывает. Чувствую, что совсем скоро плотину сорвет.

Наверное, поэтому тороплюсь. Осталась футболка. Оставляю так, накрываю малыша, а сама тороплюсь закрыться в ванной.

Как — то быстро снимаю сапоги, платье, колготки, белье, все валится в бесформенную кучу.

Я тут же залезаю под душ.

Не стою, а просто оседаю вниз, начиная тихонько рыдать. Блин, ну что я за дура.

На что надеялась?

Четыре года назад надеялась, что после ночи со мной он тут же бросит свою золушку.

Три года назад, надеялась, что он скучал, два года назад...

Последний раз я просто не поехала, понимая... Бесполез-

но растрачивать свою жизнь на переживания о человеке, которому ты безразлична. Пусть не совсем... Но помимо физики безразлична.

Поставила себя на место психолога и серьезно с собой поговорила.

Алина конечно может говорить, что это она меня не пустила. Но будем честными, захоти я чего, меня бы никто не остановил.

Но при всем при этом во мне жила сладкая надежда, что как только Марат узнает про сына, все изменится.

Что хотя бы ради него, он будет с нами.

Не по выходным, а навсегда.

Глупо, знаю. После всего, что было особенно...

Почему – то всегда, если дело касалось Марата, я вела себя глупо. Столько ошибок, Господи, а сейчас что... Впустить его в свою жизнь, дать видеться с сыном и делать вид, что все прекрасно, что никаких чувств во мне не осталось...

Осталось понять, как при этом справиться с горьким желанием отобрать его у другой семьи.

Я бы смогла.

Опорочить Лейлу?

Найти на нее компромат или подставить.

Я ведь так делала. Избавлялась от соперниц, которые, мне казалось, угрожали моему счастью, делала такое же для своей подруги еще в далеком юношестве.

Правда счастье это ей не принесло. Да и мне не принесло.

Марат узнал.

А он такой, что вранья не терпит. А я, несмотря на это, продолжала ему врать. Снова и снова, потому что никак не могла справиться со своими тараканами.

Сейчас они пляшут у меня в голове, заводя новую песню о том, чтобы просто уехать. Просто бросить дело нескольких лет и исчезнуть, только на этот раз с сыном.

Но я ведь теперь понимаю, что это неправильно, теперь назад дороги нет, и придется столкнуться с тем, от чего я так долго бежала, сохранять хорошую мину при плохой игре и дать все-таки сыну возможность знать своего отца. У меня не было матери, но отец был. Не идеальный, но очень любящий. Пусть я не всегда это чувствовала.

Будет жестоко лишать Карима возможности иметь такого же. А в том, что Марат будет отличным отцом, я даже не сомневаюсь.

О, господи, — вою я, пока мои слезы смешиваются с тугими струями горячей воды. Как это пережить, как быть сильной и не играть в игры рядом с Мартом, не пытаться его соблазнить, когда тело просто умоляет, тянется к своему единственному хозяину.

Я поднимаюсь, вставая на ноги.

Чувствую, как тело после такого напряжения просит о разрядке.

Внизу живота горит, а голову заполняют разные картинки о том, что могло бы случиться, приди я сейчас к Марату в

гостиницу.

Он тоже на взводе.

Наверняка эмоции зашкаливают. Так что сильно бы он со мной не церемонился. Просто нагнул бы меня, задрал платье и вставил.

Сначала я бы наверное даже закричала от боли, от растяжения мышц его размером, но очень быстро бы стала двигаться вместе с ним, стонать и царапать стену, в которую он меня вдавил.

О дааа...

Я на автомате снимаю лейку, переключаю режим и направляю себе между ног.

Струя стреляет ровно туда, куда нужно, опалая низ живота приятным зарядом тока. Он выкручивает живот изнутри, заставляя закусывать губу, чтобы не закричать в голос.

Свободной рукой берусь за свою грудь, сжимаю сосок, задышавшись от приближающегося оргазма. Коленки слабеют, и я просто сползаю по стенке, чувствую, как нутро простреливает удовольствием.

Пока струя бьет в клитор, оно удерживает меня в своем плену, распространяясь по клеткам всего тела. А образ Марата, который выбивает членом из меня крики, только укрепляет этот плен. Не выдерживаю, бросаю лейку и меня отпускает.

Я шумно выдыхаю, закрываю лицо руками, понимая, что если в мозгу так и останется Марат, то вот такие оргазмы в

ванной — единственное, что меня ждет до конца жизни. Но как отпустить, если он теперь будет так или иначе всплывать на горизонте. Как отпустить? Как не фантазировать, не думать, не мечтать?

Спустя еще минут пять все-таки домываю голову, долго мажу кремом лицо, расчесываю волосы, потом смываю остатки макияжа с глаз. Убираю вещи, протираю пол, где наследила.

И только потом иду на свой диван. Он на кухне, но я всегда отворачиваюсь к окну, чтобы смотреть на небо. В городе конечно звезд не особо видно, зато можно разглядеть, как проплывают темные облака.

Глаза тянутся к ноуту, где можно заглянуть в социальную сеть Марата. Там нет семейных фото, зато есть он сам. Если честно, там даже я есть. Он не удалил наши фото с открытия первого «Стайл Виктори», что очень грело мне душу.

Сил терпеть нет, и я сажусь на кровати, достаю ноут и открываю соцсети, а именно ищу ту самую фотку. На фоне отеля, в ярких вспышках фотокамер, окруженные друзьями.

Блин, мы тут такие счастливые.

Я тогда даже не думала, что мы когда — то вообще можем расстаться. Тогда я верила, что это навсегда.

Глава 9.

Утром меня снова разбудил Карим. В пять, черт возьми, утра. Я конечно еще положила его до семи спать, но понимала его нетерпение. Вопросы сыпались из него, как попкорн из спец. машины. И ответов у меня на них не было.

— Давай ты сходишь сегодня в садик. А вечером мы сядем и основательно поговорим.

— Ну мааам...

— Спи.

Он послушался, но ворочался еще полчаса, вынуждая меня то открывать глаза, то закрывать. По итогу мы конечно проспали. Бегали по квартире как ошалелые. Уже на выходе в дверь вдруг позвонили. В восемь утра.

Мы с Каримом переглянулись. Хотя стукнувшее в горле сердце подсказало, кто это, тут и Ванги не нужно.

— Ну что ты встал. Одевай башмаки, я завяжу.

— Я хочу сам.

— Малыш, мы опаздываем, потом поучишься.

Я надеваю пальто, быстро осматриваю себя в зеркале. Видок конечно тот еще. В спортивном костюме, с гулькой на голове. Быстро растираю щеки, чтобы они хоть какой – то румянец приобрели. Распускаю волосы.

И снова звонок.

— Мам?

— Да открываю, — переступаю через свои сапоги и наконец открываю. Как я и думал, на пороге Марат. — Что ты здесь делаешь? И как ты нашел...

— Это не сложно, если знать фамилию и новое отчество, — понятно к чему он клонит.

— Папа был не против, это просто документы.

— Привет! — вылезает Карим.

— Почему ты еще не одет!

— Давай я помогу? — он бросает на меня взгляд, а я читаю про себя мантру, которую вчера себе наговаривала. Кариму нужен отец. Кариму нужен отец. А мне Марат не нужен. — Вот смотри...

Марат показывает Кариму, как завязывать шнурки, а я в нетерпении натягиваю кроссы, все время поглядывая на часы.

— Карим, время...

— Мам! У меня получилось! Смотри! Ну вооот...

Карим уже хмурится, дует губы.

— Это только первая попытка. Порой их надо сделать очень много, прежде чем чему — то научиться.

Хорошо сказал и только ли это о шнурках. И зачем на меня так смотреть?

— Ну вы все? Пофилософствовали? Можем идти?

Жду, когда Карим наденет куртку, нахлобучиваю ему шапку — шлем. Он дает папе руку. Ну капец. Новая игрушка? А меня обида берет, как быстро я стала не нужна.

Закрываю дверь квартиры и мы идем к лифту. Они о чем — то болтают, а я пытаюсь собраться и не начать возмущаться и истерить. Внутри все клокочет. От его близости, от случайных прикосновений, когда я затормозила, а он подтолкнул меня к лифту, от его комментария, что с ребенком я высокомерно забралась. Пятнадцатый этаж. Хотя уж он должен понимать, почему именно пятнадцатый.

А на улице вдруг повалил снег, а я как назло не загнала машину в паркинг.

— Я отвезу. Далеко?

— Да тут пешком дойти можно, — иду наперекор.

— Мам, ну можно нас папа отвезет. А у тебя какая машина? У мамы красная. А люблю черный цвет. У Лешинного папы черная машина. А у тебя какая?

— У меня черная, — он кивает в сторону Ниссана, явно взятого на прокат. — Ты говорила, что опаздываете? Кстати, а вам обязательно в садик? Может, позавтракаем вместе?

— Мам, точно! Давай не пойдем?

Ну конечно, когда я вчера предложила, он сразу вспомнил утренник.

— А утренник? У тебя вообще-то стих. Да и завтра суббота.

— Мне завтра ехать надо, Вик.

— Какая жалость.

— Тогда поужинаем?

— Да, да! Мам, можно нагетсы? Мы давно не ели.

— Ты вчера ел нагетсы.

— А точно. Мам, поехали, опоздаем.

— Ладно, давай живее.

Сама открываю дверь нужной машины. Карим прыгает сзади, а я за ним. Пристегиваю его. Себя.

Марат садится на переднее и бросая на меня не читаемый взгляд, заводит машину.

Мне даже не надо говорить, куда ехать. Он все знает. Наверное уже даже выяснил, когда у Карима выпал первый зуб.

Мы приезжаем почти вовремя. Торопимся в садик. Марат подхватывает Карима на руки, мы заходим внутрь вместе. В группе тут же высовывает нос воспитательница, а еще рядом Колобов, что был вчера на моем дне рождения. С его девочкой Карим тоже хорошо дружит.

- Привет, Вик, а это...

— Марат — отец Карима.

Они жмут руки, а я прямо вижу в глазах приятеля немые вопросы, но я на них пока не готова ответить. Что и говорю Колобову взглядом.

— Папа, ты не уедешь? – вдруг спрашивает Карим после того, как я поцеловала его.

— Сегодня точно нет.

— А потом?

— А потом решим.

— Мама так говорит, когда не хочет покупать мне игрушку.

Он тут же сникает и идет в группу, а я быстро убираюсь в его ящике и выхожу из группы, даже не дождавшись Марата. Он нагоняет уже на лестнице. Успевает открыть дверь.

Когда мы подходим к его машине, я сворачиваю, чтобы дойти домой пешком. Тут всего пятнадцать минут, хотя снег такой идет, что лучше бы на машине.

— Вика, я довезу.

— Я пройду, стройнее буду.

— Ты и так отлично выглядишь.

— Слушай, а как ты себе это все представляешь? – поворачиваюсь я. – будешь жить на два города? Расстояние не близкое, между прочим.

— Ну ты же не могла выбрать место поближе. Любишь проблемы мне создавать.

— Да похоже я вообще по жизни твоя единственная проблема. Признайся, ты был бы счастлив никогда меня не встречать.

— Я много думал на этот счет. Поэтому могу ответить честно и прямо. Нет, я не был бы счастлив.

Его слова вызывают такую бурю внутри. Что я отворачиваюсь, чтобы скрыть ее. Слезы щиплют глаза. Если бы он никогда меня не встретил, то его отец был бы жив. Ведь это я виновна в его смерти. Так что мне сложно поверить в его «Честно и открыто»

Глава 10.

— Вика. Давай поговорим. Спокойно, без крика.

— Вечером. Если твое приглашение в силе, — поворачиваю голову. — Встретимся здесь в шесть. Мне надо идти.

— Вика...

Слышу в след, но уже не оборачиваюсь. Вытраливаю из головы образ Марата в пальто. Такого красивого. Такого чужого. Иду вперед, почти не обращая внимания на ветер и снег, летящий в лицо. Дохожу домой, невольно оглядываясь. Но машины Марата нет, и я спокойно поднимаюсь на свой этаж. До меня только доходит, что телефона у меня так и нет, так что первым делом собираюсь и еду покупать новый телефон. Не такой конечно дорогой, как мне пытался всучить. Восстанавливаю все данные и тут же звоню своей управляющей в отель.

— У нас все хорошо Виктория Викторовна, — сообщает мне Наталья. — А вы скоро будете? Скоро делегация из Японии будет, а мы языка не знаем.

— Наташ, неужели ты думаешь, что они будут без переводчика?

— Так Маши нет, а она одна английский знает.

Да уж. В Новосибирске легче найти переводчиков японского, чем английского.

— Я поняла, еду Наташ.

— А еще, Виктория Викторовна, звонил Алексей Михайлович. Не может до вас дозвонится.

— Потом ему наберу, спасибо.

Я так рада, что меня ждут. Что я нужна. Это заставляет настроение подняться высокую отметку, а значит и день пройдет не в попытке самокопания, а на хорошей ноте. Так и выходит. Весь день я кручусь, как белка, распределяю новых гостей, обсуждаю график отпусков с персоналом, себе естественно ставлю на Лето. Хочу съездить на Байкал, да и Кариму готовлю к походу с палатками.

Где — то ближе к концу дня мое настроение берет обратный ход. Время неумолимо приближается к шести, а значит скоро встреча с Маратом. Интересно даже чем он занимался весь день? Созванивался ли с женой? Что он ей сказал?

Мне даже сложно поставить себя на ее место. Я была бы в бешенстве, что у моего мужа есть другая семья. Хотя не семья. Что есть другой ребенок.

Уже когда собираюсь домой, мне звонит Алина, но я не беру трубку. Прекрасно знаю, о чем она спросит. И опять не готова. Завтра Марат уедет, я перелопачу внутри эту ситуацию и обязательно пойму, что делать и что говорить тем, кто задает вопросы.

Выхожу из отеля, кутаясь в капюшон, смотря на то, как город снова и снова заваливает снегом. Сугробы уже такие, что когда приближаюсь к машине, чувствую панику. Колеса уже довольно глубоко. Я отгребаю немного, но нужна лопата.

Я лезу за ней в багажник, но не обнаруживаю. Хочется выматериться, потому что позавчера Карим попросил ее, чтобы сделать замок в нашем дворе, так что она лежит дома.

Оглядываюсь в поисках дворника или других водителей, но как назло парковка сегодня пуста. Несколько машин стоят поодаль, но никого из водителей нет даже близко.

— Ладно, черт с ним.

Открываю приложение, чтобы вызвать такси, когда вдруг слышу сигнал машины. Сердце пропускает удар, при мысли, что Марат решил осветить мой день своей помощью. Так что я быстро всматриваюсь в телефон, поправляя губную помаду.

— Эй, Викуль. Тебе пора бульдозер покупать, — слышу знакомый голос и от облегчения даже вздыхаю. Алексей. Я про него совсем забыла. Он ведь звонил еще с утра.

— Привет, — поворачиваюсь, смотря в смеющиеся глаза, а потом вдруг выдыхаю, когда он врзает в меня букетом роз. Знает же, что не люблю веники и все равно их дарит. — А чего с трубой?

— Сегодня уже все нормально.

— Ясно. Я сегодня занят был. Застряла? Таким тачкам место на треке, сама знаешь, а не в городе.

— И это говорит мне бывший гонщик.

— Бывших не бывает. Садись, подвезу.

— Да я почти такси вызвала, — ну не ехать же мне в полицейской машине. Хотя надо признать, для Костина не су-

ществуем пробок.

— Ну значит я вовремя. Погнали, — он кивает на свою машину.

— Леш, начнешь распускать руки, этим веником по лицу получишь.

— Да я все понял, Вик. В прошлый раз ты мне доходчиво объяснила. Но я не сдаюсь.

Вздыхаю. Некоторые мужчины неисправимы. Стоит им раз отказать, как они привязываются как клещи и пьют твою кровь. Прекрасно при этом зная, что ничего не будет. Вместе сходить на корпоратив в отделе, где он работает, это одно. Ему же нужно выпендриться красивой телочкой, а я что ни говори – все еще хороша. Но вот пускать его в свою постель, тем самым портить прекрасные приятельские отношения... Нет уж, увольте. Плавали, знаем.

И пусть Костин хоть трижды стал действительно высоким, привлекательным ментом с фигурой атлета и лицом Апполона, по которому вздыхают бабы вокруг, меня он не возбуждает, как бы сильно мне порой не хотелось секса.

— А чего ты на день рождение не пришел? — сажусь в машину и коленки прикрываю розами. Костин только жалостливо вздыхает.

— Да, вызов был в другую область. Какие-то уроды устроили гонки прямо на зимней трассе.

— Вот ты, наверное, развлекся.

— Было дело, вспомнил молодость. Но мы быстро их по-

вязали.

— Отпустили?

— Ну так они пару сотен тысяч нам загнали, так что конечно.

— Не боишься, что однажды что такие уроды кого — то собьют на дороге?

— Ну... Это будет уже не в мою смену.

— Ты страшный человек, Леш. Нельзя так.

— Ну всем же быть такой добродетельной. Хотя я все жду, когда ты наконец снимешь шкуру монашки и покажешь себя во всей красе. Я ведь помню, какой оторвой ты была в юности.

Да, мы с ним давно знакомы. Когда — то именно с его помощью мне удалось помочь подруге избавиться от соперницы, он же помог мне отвадить от Марата его бывшую.

— Не дожدهшься, Леш. Да и ты особо не страдаешь. Тебе телок мало? Они как твои погоны видят, сразу трусы снимают.

— Но мне тоже хочется залезть в твои.

— Нет, Костин. Даже не обсуждается.

— Ладно. У меня кстати для тебя подарок.

Он кидает мне на колени коробку.

Знаю, что там. Часы к айфону. Давно себе новые хочу купить, моим черт знает сколько лет.

— Как подумаю, что они куплены на взятку...

— Слушай, не будь занудой. Мне еще и зарплату так-то

платят. Не возьмешь, обижусь.

— Ути – пути. Про тебя кстати Римма спрашивала. Из ресторана. Очень сильно просила твой номер.

— Ну так дай. Телок много не бывает.

Смотрю на часы. Без пяти шесть. А мы как раз приехали. С мигалками очень быстро.

— Спасибо за доставку живой и невредимой.

— Спасибо на член не натянешь.

Прячу улыбку за букетом. Эх, жаль цветы. Засохнут ведь. Выхожу из машины и чуть не врезаюсь в Марата.

— Что случилось? Что ты сделала?

— Ничего я не делала, — возмущаюсь, а сердце вскачъ. Нет, конечно его можно понять. Он лично меня из отделения раз пять забирал. Но сейчас — то несправедливо.

— Это что за хрен? — Костин выходит из машины, врезаюсь взглядом в Марата. — Капитан Костин. Здравия не желаю.

Интересно даже, узнают друг друга? Учитывая, что виделись трижды и каждый раз били друг другу морды.

Глава 11.

— Майор Балаев, тоже не слишком рад знакомству, — отвечает он, а я глаза закатываю. Уже и забыла, какое у него было звание. Но теперь ясно точно, они друг друга не узнали, и сейчас я не буду ему напоминать, тем более о том, что Леша Костин является бывшим его жены. Хотя признаться, раньше я бы даже позлорадствовала на этот счет. Но не теперь. — Ты же не любишь цветы.

— За пять лет все могло измениться, — нарочно прижимаюсь носом к цветам, от которых тошно. — Спасибо, Лешенька. Созвонимся, ладно?

— А это... — Костин явно что — то вспоминает и требует подробностей, но я поворачиваюсь и буравлю его взглядом.

— А это мы потом с тобой обсудим.

— Мама! Папа! — слышу родной голос. Карим уже у решетки детского сада, которая довольно далеко от его площадки. За ним вприпрыжку бежит воспитатель. Он яростно нам машет, а я впахиваю Марату букет и машу в ответ, тут же направляясь к воротам. Уже не вижу, что там за спиной. Да и плевать, откровенно говоря.

— Добрый вечер, — киваю запыхавшейся воспитательнице, которая уже с любопытством взирает за мою спину. Ну конечно Марат умеет привлекать внимание. — Привет, малыш.

Он быстро меня обнимает и тут же бежит к отцу. Нехотя оборачиваюсь, смотря как он вжимается в его ноги, а Марат, опуская голову, что — то ему шепчет.

— Мам! — тут же счастливо оборачивается Карим. — Папа купил мне настоящий Бэтмобиль и Бэтмена, который летает! Представляешь!?

— Вау, — хочу закатить глаза, но все-таки выдавливаю из себя улыбку. — Тебе будет чем заняться, когда папа...

— Вика... — осаждает меня Марат, и я все таки проговариваю про себя. «Уедет».

Карим прыгает от счастья, тут же бежит к своим друзьям, рассказывая во что они скоро будут играть, а Марат все еще жжет меня взглядом. Горячо то как. Словно он уже раздел меня и отшлепал своей большой ладонью. Очень часто в сексе он бывал груб, словно наказывал за непослушание вне его.

Карим возвращается и берет меня за руку, потом, немного подумав, идет к отцу. Они вместе идут к воротам, а я как бы лишняя. Замечаю мельком огни, что Леша еще не уехал. Смотрит, прислонившись к машине и курит. Я делаю больше глаза и машу ему, чтобы уехал. Он машет букетом, который опускает на крышу черного Ниссана, сплевывает и все-таки укатывает.

— Мам, там дядя Леша.

— Он, милый.

— Я ему не сказал привет.

— Еще обязательно скажешь. Он сегодня занят.

В этот момент наблюдаю за профилем Марата, челюсть которого сильно сжата. Ну а что он хотел... Что я совсем буду растить сына без мужского окружения?

— А мы сегодня идем в кафе. Идем же?

— Идем конечно.

— Пап, а можно я поеду спереди?

— Без детского кресла нельзя.

— Я купил, — подает голос Марат, когда мы подходим к машине. Какой предусмотрительный.

— Да я смотрю, ты сегодня без дела не сидел. И игрушки покупал, и кресло. Хотя ты же всегда занят.

Марат молча достает кресло, укрепляет его на переднем сидении, куда тут же усаживает счастливого Карима. И только потом открывает дверь для меня.

— А ты, как обычно, не можешь вовремя закрыть рот, — говорит он, а я прямо чувствую вибрации тела, и в голове мелькают картинки того, как он раньше умело мне его закрывал своим большим членом. А я с радостью молчала. Со-сала и молчала. — Может некому затыкать?

— Желающих предостаточно, — хмыкаю я и эффектно сажусь в машину, демонстрируя свои стройные ноги. Страхиваю снег ему на ботинки. Он только ухмыляется и закрывает за мной дверь. Вижу, как он забирает букет и уносит его в ближайшую урну.

Мавр прям...

Мы наконец трогаемся, и я утыкаюсь в свою новиночку и

сразу распаковываю новые часы, пока мои мужчины болтают.

Сопрягаю гаджеты, потом долго люблюсь тем, как ремешок смотрится на моем тонком запястье. Леша умеет делать подарки, о чем и пишу ему в мессенджере.

— Я надеялся менты в наше время не берут взятки, — слышу Марата и поднимаю голову. Он мельком цепляет меня взглядом в зеркале заднего вида.

— А я думала в наше время не осталось неверных мужей. Он хмурится и снова заводит разговор с сыном, а у меня по телу приятное тепло растекается. Ревнует козлина. Да и то, что последнее слово за мной осталось, тоже приятно.

Мы приезжаем в детское кафе. Я часто на него смотрю, когда проезжаю мимо, но все никак руки не доходят позвонить узнать, как там внутри.

— Тут детская комната в виде корабля, — словно читает мои мысли Марат, а Карим счастливо визжит.

Я выхожу из машины, а Марат вытаскивает Карима. Судя по тому как он обращается с детскими застежками, а позже с его курткой и шапкой, с детьми он в ладах, а значит довольно часто проводит время с дочкой. Сколько ей сейчас? Должно быть так же, как Кариму.

От этого неприятно щиплет в носу, но я делаю пару сильных вдохов выдохов и успокаиваюсь.

Пока нас с Маратом усаживают на места, рядом с огромной детской комнатой, в которой работает аниматор, Карим

бежит туда издавая радостный клич.

— Тут так классно, мам!

— Я очень рада, — машу ему. Марат отстраняет официанта и сам отодвигает для меня кресло. — Ну ты прям настоящий джентльмен.

— Тебе должно быть известно, что это далеко не всегда так, — шепчет он мне на ухо, распуская внутри тела выюны возбуждения, с которыми я упорно борюсь с того момента, как он сегодня появился.

Я не отвечаю. Просто улыбаюсь официанту, чтобы еще больше взбесить Марат. Черт, как же мне нравилось его бесить, а потом ночью пожинать плоды своего поведения. Он весь такой правильный, но именно я всегда будила в нем зверя, особенно это касалось постели. Ненависть, раздражение, желание. Все это создавало убойный коктейль, которым я с удовольствием давилась, забывая о том, что кроме постели есть реальная жизнь. И сейчас она машет мне рукой, напоминая о себе.

— Мам, мне нагетсы.

— Ты вчера их ел.

— Ну мааам. Пап, можно нагетсы?

— Карим...

— Давай мы обсудим это с твоей мамой, а ты пока поиграй.

— Очень дипломатично, — бурчу, а официанту говорю. — Принесите, пожалуйста, куриный суп и нагетсы мальчику.

Мне, пожалуйста, Пина коладу безалкогольную и цезарь с креветками.

— Простите, у нас такого нет в меню.

— Можно вас? – Марат поднимается и отходит с официантом, а я снова улыбаюсь. Не знаю через сколько, но точно знаю, что на моем столе будет стоять нужный салат. Марат знает, как сильно я люблю морепродукты.

Он возвращается через пять минут, садится за стол. Смотрит на меня.

— Все-таки ничего не изменилось.

— В смысле?

— Ты все так же любишь морепродукты. Все так же не любишь срезанные цветы. Ты даже пользуешься теми же самыми духами. Шанель, если я правильно помню. Даже волосы не стала красить и сохраняешь прежнюю длину.

— Ну а как же то, что я больше не пью? Или например не курю?

— У тебя ребенок, это естественно, что ты бросила.

— Не поняла... Море матерей и пьют, и курят.

— Ты всегда была чересчур ответственной в вопросах других людей. Чересчур... Особенно, если это близкие. Я всегда знал, что ты станешь отличной матерью. Карим потрясающий ребенок, было бы глупо это не признать. Ты умница.

Пока я пытаюсь справиться с эмоциями от такой похвалы передо мной ставят мой коктейль, за которым я тут же прячусь, произнеся сипло.

- Естественно... Я умница.

Глава 12.

— Расскажи, как ты, как бизнес.

Он только открывает рот, чтобы начать, но я перебиваю.

— Только не эту мишуру, которую все видят в социальных сетях, а о том с какими проблемами приходится сталкиваться. Какие вопросы решать.

Марату приносят как раз его чай. Черный. С сахаром и лимоном. Тоже ничего не меняется? Кариму сок и воду.

— Недавно пришлось закрыть отель на Урале. Оказалось, что земля куплена незаконно. Она была не облагорожена, продавалась довольно дешево. Когда начались разборки мне начали угрожать. Я не стал связываться с криминалом и просто потерял этот участок вместе с отелем. Там теперь карьер по добыче золота.

Мне становится жарко. Хотя бы, потому что такая ситуация может возникнуть с любым бизнесменом, а может еще потому что я сама не слишком парилась с покупкой здания, в котором теперь располагается отель. Это центр, рядом парк. Очень удобное расположение. И то что его мне впихнули по дешевке наводит на определенные мысли. Надо бы перепроверить... Или лучше не трогать улий?

Я беру стакан, всасываю почти половину коктейля. Да, лучше не трогать.

— Тебе плохо?

— Нет, нет, — откашливаюсь. — Просто думаю, что бизнесмены очень часто в погоне за дешевизной по итогу теряют гораздо более ценные вещи.

Он так посмотрел на меня, словно я говорила не про отель.

— Что? Я же про бизнес говорю!

— А я решил, что ты имеешь ввиду, то как я променял такую дорогую тебя, на более дешевую Лейлу.

Я даже моргаю пару раз, пытаюсь осознать сказанное.

— У меня и в мыслях такого не было. А вот почему тебе такое приходит в голову?

— Просто вспомнил, как ты кричала, когда узнала о нашей с ней связи...

— Что она дешевка? — вспоминаю я тот неприятный эпизод и тушуюсь.

Я тогда даже на нее накинулась.

Эта невинная овечка работала администратором в нашем Московском филиале. Я даже подумать не могла, что человек, которому я столько помогала, поддерживала, которого приглашала на свои дни рождения, могла так просто залезть на моего тогда еще мужа.

Да, мы с Маратом уже не жили вместе.

Да мы собирались разводиться.

Но мы были еще в той стадии, когда еще что — то можно было спасти. Был шанс, что мы снова будем вместе.

А Лейла Загитова своим невинным личиком просто втоп-

тала этот шанс в грязь.

Я пришла в отель в очередной раз выяснить с Маратом отношения, сказать, что возможно готова его простить его, тем более на кануне мы в очередной раз переспали.

А стоило зайти в его кабинет, как я увидела там Лейлу. До меня доходили слухи, но я их отвергала. А тут, она сидит на его коленях. Не помню тогда что именно произошло, помню только как глаза застлала красная пелена и клочок волос в своей руке.

И да, я назвала ее дешевкой.

— Ну да, — приносят мясо Марата и детские блюда.

Пока остывает я задаю вопрос, который меня давно интересовал. Еще в ту пору, когда я надеялась на воскрешение наших отношений.

— Кстати, а чем она тебя так зацепила? Ты же даже не замечал ее никогда. Я то-уж запомнила бы это.

— Ты всегда была дичайше ревнивой.

— А тебе это нравилось.

— Не без этого. Чем зацепила... Наверное, она. — Странно, что он не произносит ее имя. Обычно, когда любишь...

— Она была полной противоположностью тебя.

— О да, а тебе всегда очень хотелось примерную жену своей национальности.

— Ты тоже моей.

— С большим и жирным но... Так — так, продолжай. Очень интересно.

— Да что интересного, Вик. Она заглядывала мне в рот, внимала каждому слову, все время просила помощи, заботилась о том, чтобы я был не голодный. Она не дерзила, не перебивала меня, не повышала голос, она в конце концов не ставила меня в неловкое положение перед партнерами, уверенная, что знает бизнес лучше меня. Или скажешь не было такого? — Он в конце даже забывается, голос повышает, а потом резко начинает есть, очевидно пытаясь заглушить желание меня задушить? Или загрызть. Вон как в кусок мяса зубами вцепился остервенело.

Он съедает половину, вытирается салфеткой, поднимает взгляд. Вроде успокоился. Значит и мне можно поесть наконец свой салат.

— Ладно, что об этом говорить.

— Да... Что об этом говорить? Хотя знаешь, — снова отпиваю из своего стакана, вытираясь салфеткой. — Я, пожалуй, за это извинюсь.

— За что?

— За те случаи, когда перебивала тебя на важных встречах. Тогда мне казалось, что я лучше сумею договориться с этими отцами жизни. Ведь мы говорили на одном языке...

— Ну конечно. Меня ведь отцом жизни ты никогда не считала. Для тебя я даже ровней не был. Ты не готова была ждать, что я всего добьюсь сам. Лейла же считала меня почти богом.

— Ох уж эти комплексы. Мужики любят, когда на них

молятся, – усмехаюсь я и поднимаюсь, чтобы позвать сына. В душе такой раздрай, что больно.

Зачем я вообще затеяла разговор, словно ножом меня раздирающий. Чтобы вспомнить, что ничего, ничего между мной и Маратом уже быть не может?

Ему нужна верующая в его силу раба божья, а я хотела быть его богиней.

Ну теперь хотя бы многое становится яснее.

— Карим, принесли все. Пошли кушать.

— Мам, ну мы только начали, — бегают он и лазает как обезьянка.

— Не начинай. Поешь и пойдешь играть.

— Лаааадно, — делает он мне одолжение и бежит за стол. Марат отодвигает ему стул и ставит тарелку супа. – Мам, а нагетсы?

— Сначала суп, — все-таки говорит Марат и Карим вздыхая начинает ковыряться в тарелке, с надеждой поглядывая на свое любимое лакомство.

Не жизнь, а сладкий сон. Одна беда, мама не дает нагетсы.

— Пап, а мы сегодня распакуем игрушки?

— Обязательно. Думаю, мама нам это позволит? — пустить его к себе? Ну не знаааю...

— А что мы сами не справимся, малыш?

— Но я хочу, чтобы папа мне помог! Он завтра уедет, так что подарки хочу сегодня.

— Ладно, ладно, — закатываю я глаза. Запрусь на кухне

и не выйду, пока он будет в квартире.

— Карим, а вы кроме садика куда — то ходите? — меняет Марат тему как флюгель.

— На футбол ходим.

— Ты сам выбрал или мама?

— Мама говорит, что я сам сделал выбор, — произносит сын так по — взрослому, что меня смех распирает, а на душе становится теплее. Желание поделиться успехами сына, смешными курьезными ситуациями и просто рассказать, как забавно он спит просто распирает.

— Это как? — поднимает Марат на меня глаза, а яжимаю плечами.

— Несколько разбитых стекол у соседей на первых этажах сделали за него этот выбор. Ему вечно надо было что — то пинать. Помню, как на последних месяцах беременности материлась постоянно, потому что стоило мне куда — то пойти он тут же начинал долбить меня изнутри.

Марат ничего не отвечает, даже не улыбается, только чуть хмурит брови, из-за чего между пролегла глубокая складка.

Карим уже хватает нагетс, и на бегу кричит, что поел.

— Что?

— Ничего. Пытаюсь представить тебя с животом.

— Он был огромный. На последнем месяце я вообще отказывалась передвигаться. Включала любимый сериал, ставила чашку с попкорном на свое пузо и просто целыми сутками ждала, когда этот футболист из меня вылезет.

— Роды были тяжелыми?

— Ну орала я прилично.

— Могу себе представить. Думаю, тебя в роддоме запомнили.

— Уже повесили мой плакат с надписью: «Опасно, убьет!»

Марат смеется, а в уголках его глаз, тут же образуются морщинки. Любуюсь его преобразовавшимся лицом. Обожала всего его смешить и каждый раз гордилась, когда это происходило. Он так редко мне улыбался. Вот и сейчас заметив мой взгляд его смех исчезает, словно лопнувший шарик.

— Кормила грудью?

— До года. Это было удобно. Отошел покормить, и он опять дрыхнет.

— Тогда ты приехала на конференцию я даже подумать не мог. Ты конечно чуть поправилась, но я списал это на стресс.

— Я что, плохо выглядела?

— Ты? Я вообще не помню, чтобы ты плохо выглядела хоть раз. В любом состоянии богиня, — его глаза мигот, темнеют, засасывая меня в омут воспоминаний, где мы горели от страсти, где вместе взрывались, где сходили друг по другу с ума.

Да боже ты мой. Еще немного и я подниму ногу, чтобы потрогать его стояк. Хотя... Поднимаю ногу под столом и касаюсь его бедра. Оно напряженно как никогда, значит и его вспоминая мучают его.

Марат не двигается. Смотрит прямо в нутро, словно сдирает одежду и прямо здесь заваливает на стол. Стояк, такой, что любой бы мужик душу продал.

Марат дергает рукой, чтобы схватить мою лодыжку, но я оказываюсь быстрее.

— Если ты планировал меня завалить комплиментами в постель, то тебя явно нужно было добавить в мой коктейль чего – то покрепче.

— Можем поехать домой, и я куплю бутылку вина.

Он тянет ко мне руку, а я на убираю свою, чувствую его касание и сжимаю бедра. Между ними уже потоп. Воздух между нами так накалился, что даже официанты, бродящие рядом не решаются подойти. Хотя тарелки бы убрать надо.

Это было так давно, но я до сих пор могу вспомнить какого это. Быть оттраханной вот этими большими пальцами с ровными ногтями. Зацелованной этими твердыми губами.

А еще помню, как его полный страсти взгляд быстро сменялся на осуждающий или упрекающий.

Вытаскиваю руку, почти выдергиваю, стараясь унять свое взбунтовавшееся либидо.

— Вот незадача. Я больше не пью... И мы с сыном поедem домой, а ты поедешь к себе домой. К своей семье.

— Чтобы ты не говорила, — он кивает в сторону Карима, который прибегает весь мокрый, быстро пьет свой сок и убегает обратно. — Вы тоже моя семья.

— Гаремы в наше время противозонны. Так что с сыном

ты конечно можешь видаться, но на мое божественное начало даже не надейся.

— Божественное начало, — улыбается он, а я поднимаю брови. В смысле? — Но, если что, ты знаешь, что мой молот тора всегда в твоём распоряжении.

Не могу сдержатъ улыбку, вспоминая как в самом начале просто отвратительного фильма «Тор», сказала Марату, что лучше посмотрю на его молот, чем собственно сразу и занялась.

Мы смотрим друг на друга, вспоминая тот редкий тёплый эпизод из прошлого. Но чтобы не было там, сколько бы сладости не несли фантазии, реальность никуда не деть. А в реальности в Москве его жена и дочь, которым тоже нужно уделить внимание.

— Вика, я хочу видеть сына чаще, чем раз в неделю...

— Это в лучшем случае, учитывая, как далеко мы теперь живём друг от друга.

— Ты должна переехать в Москву.

Я ждала этой фразы. Очевидно весь этот ужин был с целью только сказать это.

Я даже отвечать на это не буду.

Откидываюсь на спинку стула и забрасываю ногу на ногу.

— Марат, я тебе уже говорила и повторяю. Я ничего тебе не должна. Мы расстались. Развелись. Не соверши я глупость ты бы вообще не узнал о сыне.

— Но я узнал.

— Кстати, почему у вас только дочь? Ты же всегда хотел большую семью. Почему молодая и несломленная тяжелым детским и психиатрической клиникой Лейла не родила тебе сыновей.

Марат быстро кидает взгляд на Карима, когда тот его зовет и показывает колесо. Машет ему.

— Только не говори, что вы не пытались. Я не поверю.

Марат опять молчит, осматривает мое лицо, снова принимается есть.

— Что ты говорила обо мне Кариму?

Вот оно как? Меняем тему? А почему?

— Ну сначала он не спрашивал, потом говорила, что ты работаешь. А буквально вчера сказала, что у тебя семья и ты занят... — охренеть. Вчера. С его появления прошли только сутки, а я уже выдохлась.

— Зачем же так?

— А как? Сказать что ты улетел но обещал вернуться? Если уж ты планируешь быть в его жизни, то будь добр не врать.

— А что сказать?

— Правду. Уж нам с тобой известно, какие последствия имеет ложь.

Глава 13.

Собственно, мне больше нечего ему сказать, так что я наконец допиваю свой коктейль и зову Карима доесть свои нагетсты, чтобы дома уже не готовить на ночь глядя.

Мы отправляемся домой еще через пол часа, когда Карим настолько возбужденный и уставший, что начинает капризничать. Хочу взять его на руки, чтобы успокоить, но Марат просит разрешения и я милостиво киваю. Карим тяжелый стал, конечно. В одной руке уже не потаскаешь, как раньше. Я даже скучаю немного по тому времени, когда единственная проблема была не где достать грудь так, чтобы не видели.

Марат усаживает Карима в машину, и мы едем домой. Вернее, к нам домой.

— Не чувствуй себя как дома, — прошу Марата уже в квартире, когда он помогает Кариму раздеться, а я оставляю подарки в коридоре. Иду на кухню ставить чайник и напою, чтобы Карим не забыл помыть руки.

— Мам, а можно яблочко, — забегает он, показывая чистые руки и я достаю одно из корзины на столе. — А папе.

— Вот и папе, — достаю второе отдаю ему. Потом беру себе и усаживаюсь за ноут. Просматриваю почту, потом открываю ленту сообщений в телефоне. Леша спрашивает, когда мы сможем встретиться, а я даже не знаю, что ему сказать. Наверняка у него много вопросов. Но я даже с Алиной не

готова разговаривать. Мне нужно все это переварить.

Из кухни не выхожу, смотрю любимый сериал «Игры Престолов» периодически отвлекаясь на взрывы смеха. То мужского. То детского.

Так к ним хочется, что тело чешется. Посмотреть, что там смешного. Что за подарки привез Марат. Посмотреть, подходят ли они Кариму.

Закрываю ноут, понимая, что вообще не до сериала, потом второй раз ставлю чайник. Достало. Когда он уже уйдет! Да и время уже за девять перевалило.

— Вик, — оборачиваюсь на звук, чувствую, как вибрации от его голоса по телу прокатываются. — Чай будет?

Что? Чай? Он кем себя возомнил?

— Пусть тебе твоя идеальная жена чай делает! — срываюсь и тут же жалею об этом.

— Что я могу для тебя сделать?

— Просто уйти. Еще лучше навсегда.

— Так не получится, — он достает из кармана бархатную коробочку, а я хмурюсь. — Телефон ты не приняла, но надеюсь это примешь?

— Решил купить доступ в мою постель брюликами, — смеюсь я. — Не получится...

Я много чего хотела ему сказать, но замолчала, как только он открыл коробку. В ней лежал кулон. Даже спустя много лет я узнала этот кулон. Мамин. Она его носила не снимая. А потом мамы не стало, как и кулона.

— Откуда? — еле притрагиваюсь, он золотой, и я знаю, что он открывается. Там была маленькая я и отец. Фотографии.

— Ты не приехала на похороны отца, я взял на себя смелость все организовать.

— Спасибо.

— Это было в его сейфе. Он из чистого золота и его тоже хотели конфисковать, но я отбил...

— Отбил... — принимаю в руку холодный металл и открываю кулон, слезы градом начинают сыпаться. Тут те же самые фотографии, чуть пожелтевшие от времени.

Мне так ее не хватало. Она так мне была нужна. Она бы обязательно давно посоветовала оставить Марата в покое. Не мучить ни его, ни себя. Она бы помогла. Она бы была рядом.

Не сразу понимаю, как оказываюсь в объятиях Марата, как он гладит мою талию, как прижимает к себе все теснее.

— Почему он мне его не отдал? Почему?

— Есть вещи, которыми мы ни с кем не хотим делиться. Это единственное, что осталось у него от нее. Он ведь так и не женился после?

— Нет конечно. Он любил ее. Ты откуда про маму знаешь?

— Когда ты исчезла я начал копать. Нашел кстати всех твоих родственников, думал, что может ты поедешь к кому — то из них.

Приятное тепло растеклось по венам. Я лишь на минуту прикрыла глаза, чтобы насладиться запахом и ощущением

защищённости, что дарит тело Марата. Лишь на миг вернулась в прошлое, когда держала его в объятиях долгие минуты.

Он искал меня. До такой степени, что нашёл всех родственников. Мне плевать на них. Я никогда даже не задумывалась о людях, которые так легко отказались от моей матери, которая сбежала с отцом. От меня.

— Зачем?

— Что именно? — поднимает он мое лицо пальцем за подбородок. Смотрит на губы, так жадно, словно хочет забрать с собой.

— Зачем ты меня искал? Разве ты не получил от брака с Лейлой все что хотел.

— Вика...

Отталкиваю его невероятной силой воли.

— Зачем ты меня искал! Из-за бизнеса? Я отказалась от него! Написала, что никаких претензий не имею! Из-за секса? Так ты можешь найти сотни таких как я. Любая будет счастлива лечь с таким как ты. Из-за любви? Так ты никогда меня не любил! Так ведь, Балаев! Ответь хоть на этот вопрос, не будь истуканом! Ты, когда — нибудь меня любил?! Хоть одно из твоих признаний было честным, или это просто попытка от меня отвяжаться? Любил, Марат?

— Я вообще сомневаюсь, что способен на это чувство. Мне кажется оно умерло вместе с теми, кого я убивал на войне.

— Ха... — рыдание вырывается из меня, но тут я вижу Карима и резко отворачиваюсь.

— Пап, а можно мне еще мультик.

— Ну какие мультики, спать уже пора! — кричу, не поворачивая головы, меня трясёт, и я обнимаю себя руками. Не любил. Он никогда меня не любил. Тогда зачем столько лет был со мной. Зачем терпел мои выходки. А я? Я же чувствовала все. Я же все понимала. Но все равно раз за разом пыталась спасти. А смысл спасать уже мертвого солдата.

Слышу его шаги и трясущимися руками воды себе наливаю. Пью, сильно обливаясь. Черт.

— Отдай, — забирает он у меня стакан и сам мне чай наливает. Добавляет сахар. Ровно так как я люблю.

Как можно помнить такие мелочи и не любить?

— Зачем ты тогда был со мной? Зачем врал? Зачем мы поженились?

— Потому что я слабак. Я всегда знал, что ничего в эмоциональном плане не смогу тебе дать и знал, что нам нельзя было быть вместе, но и не быть с тобой было выше моих сил.

— Не понимаю.

Он проводит пальцем по моему обнаженному участку кожи, и я ощущаю, как он дрожит.

— Ты же как наркотик, Вик. Попробовал раз и помнишь эти безумные ощущения, когда ноги подкашиваются, когда ждешь дозы как одержимый, когда становишься зависимым и неадекватным.

— Но наркотик нельзя любить, потому что это запрещенное вещество.

— Примерно так.

— А Лейлу? — поворачиваю голову, смотрю на пальцы, что продолжают жечь мою кожу. — Ее ты тоже не любил?

— Не любил.

Слезы уже без остановки. Мне так хочется снова его спросить, узнать, как можно больше, обнять, поцеловать, умолять его себя любить.

— Уходи, Марат. Пожалуйста. Уходи.

Он тянет руку к моему затылку, вплетается в волосы и прижимается губами к виску.

— Прости еще раз, что угрожал. Я это сгоряча.

— Ладно. Иди уже. А то вдруг запрещенное вещество снова тебя заманит в свои опасные сети.

— Я из них никогда и не выпутывался. Я приеду в среду. Пойду скажу Кариму.

— Угу, — только и остается что сказать, слушая как Карим выбивает обещание, как плачет, прощаясь с отцом, как потом прижимается ко мне, а я обещаю, что в среду он точно придет. Пусть только попробует нарушить обещание.

Глава 14.

Марат

Аэропорт встречает меня тишиной и голосом диспетчера объявляющей мой рейс. Пусто. Редко где такое можно увидеть, при этом выручка отеля в Новосибирске вполне приличная.

Башка раскалывается. То ли от сигарет, которые за последние сутки скурил две пачки, то ли от дерьмового виски из отеля. Уже сказал заменить.

Дохожу до аптеки, закидываюсь табусами.

Потом до зоны контроля.

Покалываю документы.

Рыженькая девушка улыбается, а как только видит билет в бизнес класс улыбается шире, демонстрируя ровный ряд зубов. Хоть сейчас на рекламу любой стоматологии.

— Марат Каримович. Приятного полёта. Вас проводить? Серьезно? Настолько нужен мужик?

Осматриваюсь. Действительно никого больше нет, но все равно головой качаю.

Иду сам под стрелами разочарованного взгляда. Прошло то время, когда я, чтобы сомоутвердиться, цеплял каждую вторую. Количество секса давно перестало иметь значение. Теперь хочется качества.

И я прекрасно понимаю, что в моей жизни оно было толь-

ко с Викой.

В самолете заказываю очередную порцию виски, выпиваю и закрываю глаза.

А перед ними Вика.

Красивая настолько, что внутренности сводит. Светлые локоны обрамляют чуть вытянутое лицо. Кожа сливки. Глаза зеленый луг. А тело... Она всегда была идеальной, вылепленный скульптуром, который точно знает о мужских фантазиях, а теперь он словно добавил лоска, цвета, формы.

Глупо было ждать, что она изменится, а моя одержимость ею пройдет по щелчку пальцев.

Даже находясь за тысячи километров мне нужно знать, что она в порядке. Что она все еще любит меня. Хотя, не смотря, на это, как оказалось все отлично. Без меня ей намного лучше.

И не будь я таким эгоистом и слабаком, давно бы отпустил ее и пожелал счастья. Но стоит ее увидеть, приблизиться, прикоснуться, как мозг утекает вниз. Как планы рушатся, а в голову лезут сотни и сотни реальностей, где мы вместе.

Сын.

Из всех возможных вариантов я бы даже не подумал, что это возможно. Уже смирился даже, что с такой как Вика детей быть не может. Представлял ее успешной, или наоборот одинокой кошатницей, но даже подумать не мог, что у неё может быть сын.

Я бы скорее поверил в аборт, как сильно она меня тогда

ненавидела.

Даже секс после расставания был на грани ненависти и жестокости, никакого люблю лишь горькое ненавижу.

И яростные движения тел, словно закаленные огнём клинки в битве.

Телефон вновь жужжит, а я последние сутки даже трубку не снимаю. В сообщения не захожу. Последние сутки как сомнамбула. Лишь в ожидании новой встречи, лишь в диком напряжении в страже не натворить дел.

Сколько рад меня посещали мысли просто нанять людей, выкрасть Вику с Каримом, и уехать с ними в горы. Там. Где никакие дела, никакое прошлое нас не достанет.

Где мы вернёмся в то время, когда Вика была счастлива, а меня не мучали кошмары, когда я верил в то что смогу залечить ее раны. Но снова и снова наносил новые.

И отпустить не мог и сделать счастливой.

Открываю глаза, всматриваясь в зарево на небе. Красиво так что глаза слепит. Моргаю пару раз, берусь за телефон и сразу ищу билеты на среду. Никому не хочу перезванивать, хочу подумать, как жить дальше. Как минимум как отодвинуть все свои дела и выполнить обещание данное сыну и Вике.

Быстро просматриваю свой Календарь и отодвигаю все дела со среды на будущую неделю. Отменяю встречу с министром по туризму, которую он ждал два месяца.

А что дальше? Вика не поедет в Москву это факт и тре-

бовать этого от неё глупо и недальновидно. Даже если мы не сможем быть вместе отношения ради сына нужна сохранить.

Ладно, приеду в среду, а дальше что? Разрываться на два города на расстоянии в несколько тысяч километров?

Карим возненавидит меня, как и его мать. Все придёт к тому что она просто в очередной раз сбежит. И понятно, что без связей генерала теперь ей сложно это будет сделать, но все равно скрыться в огромной стране как минимум на год она в может. Бляяя

Как боями вообще это получилось ? Когда мы свернули не туда, когда я сделал ошибку? Когда поцеловал ее в том аэропорту, или, когда позволит поверить, что мы сможем быть вместе несколько месяцев спустя когда смог поверить что смогу ее полюбить.

А может быть это случилось в точно такое же утро, когда из очередной поездки меня встретила не Вика, а Лейла.

Глава 15.

Несколько лет назад.

Солнце палило нещадно, несмотря на довольно сильный холод. Это тебе не Сочи, откуда я возвращаюсь. Набираю Вика. Раз, второй. Бесполезно. Забыла? Опять в делах заботах? Или обиделась-таки, что не взял ее с собой.

Забираю багаж и иду в сторону выхода, но тут слышу звонкое.

— Марат Каримович! Марат Каримович!

Хм. Вот уж кого точно не ожидал увидеть.

— Марат Каримович, — Лейла запыхалась. Со спортом совсем не дружит или с Москвы бежала? — Думала опоздаю. Добрый день.

— И тебе добрый, Лейла. Что ты здесь делаешь?

Она чуть тупит взгляд, но смело поднимает его обратно. Я уже привык к ее такому поведению рядом со мной. Была даже мысль, что девочка влюбилась, но уверен, что если не поощрять, то все пройдет.

— Вика попросила вас встретить.

— Да? А сама она где?

— Ой, то тут, то там. Вы же ее знаете, на месте ей не сидится совсем.

— Понятно. — звоню снова и нет ответа. Убью нахер. Задницу надеру, что трубку не берет. Тем более перекладывать

на других простую просьбу встретить. Она может беременна уже, а все бегает и прыгает как стрекоза. Когда это блядь закончится. — Ты что, на машине?

— Ну да. Права недавно получила, вот и практикуюсь.

Давно знал, что пора личного водителя завести, чтобы избегать вот такой вот херни. Сейчас малолетка меня повезет.

— Ну что стоишь, глазами хлопаешь, поехали.

Мы выходим из здания аэропорта и сразу идем к ее небольшой женской машинке. Будем надеяться, что я смогу там хоть ноги вытянуть.

Она неплохо, кстати, водит, спокойно сидит за рулем. Только бы на меня меньше поглядывала.

— Я знаете, так ведь вас и не поблагодарила.

— За что? — откидываюсь на сидение и глаза закрываю.

— Да за все. И что ваша мама мою семью приютила после пожара. И за образование. И что работу дали.

— Лейла. Тебе за это все нужно благодарить не меня.

— Вике я говорила спасибо, но ведь, если бы вы не согласились, ничего бы этого не было.

Наивная. Вика может подчиняться только в постели, а так абсолютно бесконтрольна. Надеюсь, как только она родит, все станет поспокойнее, иначе никогда нам не потянуть отели, которые мы планируем открыть. Тормознем на Московском и будем жить за счет ее отца. Пиздец в общем.

— С чего ты решила?

— Ну она же ваша жена. Жена должна слушаться сво-

его мужа, — открываю глаза, смотря на тонкий профиль. Опять алые щечки. Она будет отличной женой какого — ни-будь мужчине. Очень правильной. Ее не надо будет заставлять беременеть. Она с удовольствием родит сына.

— Это конечно правильно, но не все в жизни происходит так, как мы этого хотим.

— Я очень удивлена, что вы это терпите.

— Что именно?

— Поведение Вики. Ваша Мама такие истории про нее рассказывала. И говорит, что вы все еще прощаете.

Даже поднимаюсь.

— Какие такие истории. А самое главное, откуда и что она знает.

— Я не хотела вам говорить. Простите.

— Прощаю. Не слушай никого. Наши с Викой отношения никого не касаются. Ни тебя, ни моей семьи.

— Вы так редко в доме появляетесь. Меня это очень удивило.

— Я бы не сказал, что мы ладим с матерью.

И какого хрена, я все это рассказываю.

— Но она же ваша мать. Мне кажется, что не приходя хотя бы раз в неделю, вы проявляете неуважение.

— Тебе слишком много кажется, Лейла. Давай закроем эту тему.

Опять беру телефон, набираю Вику и снова получаю в ответ тишину. Пишу очередное сообщение. Неужели настоль-

ко обиделась, что встал утром и уехал без нее.

Можно было конечно наплести, что она сладко спала. Хотя на самом деле партнеры в Сочи слишком серьезные, чтобы тащить туда Вику с ее креативными идеями.

Лейла молча довозит меня до нашей с Викой квартиры. Уже хочу выйти, а она передает пакет.

— Это пирог с картошкой. Ваш любимый. Я сама готовила.

— Лейла, не стоило.

— Это просто пирог. Ничего не значит. Просто вы всегда голодный и я подумала. Ладно, не хотите не надо, — тянет она пакет обратно, но я почти вырываю.

— Не дуйся. Я поем, спасибо, — она так широко улыбнулась, словно я как минимум повысил ей зарплату. Она смотрит на меня как Вика в период наших первых отношений, словно я БОГ. Приятно, черт возьми.

— Это вам спасибо! Я поеду. А то у меня сегодня смена.

— Ты не перерабатываешь?

— Теперь у нас нет дома и мне нельзя расслабляться. Хочется свое жилье, конечно.

— Понимаю. Прекрасно понимаю. На работе увидимся.

— Хорошо, — кивает она болванчиком и уезжает. Смотрю ей вслед и усмехаюсь. Забавная малышка. Да и выросла как. Ничего от той девочки, с которой Вика познакомила меня несколько лет назад.

Кстати о Вике.

— Ну и где ты, зараза такая.

Поднимаюсь в квартиру и застаю бардак. Вещи разбросаны, на кухне опять что — то сожжено. Набираю номер клининговой службы, которую Вика, очевидно, решила не вызывать, пока дом не превратится в свалку. Прохожу вглубь, в спальню.

Постель разобрана, шкаф нараспашку. Явно в спешке собиралась.

Снова звоню Вике, и она наконец берет трубку.

— Вика!

— О, привет, милый. Ты еще в Сочи.

— Вообще — то я уже в Москве. Отправлял тебе по этому поводу смс.

— Надо было позвонить.

— Если бы ты иногда брала трубку.

— Не бухти.

— Дома срач, Вик. Ты чем опять занималась?

— Да я хотела убрать, но зачем, если ты постоянно живешь в отелях.

— В них хотя бы чисто, Вик!

— Ладно, если ты позвонил, чтобы ругаться....

— Я позвонил, чтобы моя жена меня встретила. Хотя бы сказала, в какую задницу она попала на этот раз?

— Никакой задницы. Просто в области.

— И что ты там забыла?

— Попросили отвези в одну деревню. Марат, ты бы видел,

как они живут.

— Еще хуже чем ты?

— Не ерничай. Детки так подаркам были рады.

— Вик, был бы у тебя ребенок, он бы тоже был рад подаркам. Когда ты вернешься?

— Думаю к вечеру, если пробок не будет.

— В отеле была?

— А что мне там делать. Меня там даже не слушают.

— С чего бы?

— Не знаю, может быть потому что ты меня отчитал при всех?

Черт... Херня.

— Ты директор, они обязаны...

— Ага, вот и скажешь им в следующий раз. Я не директор, а жена владельца. Передо мной можно лебезить, но серьезно воспринимать нельзя. Когда я забеременею, будет еще хуже.

Когда ты забеременеешь, ты сядешь дома и больше не будешь об этом париться.

— Вызвал клининговую службу. Так что приедешь, будет уже чисто.

Все-таки зря я ее отчитал. Хотя она заслужила. Непонятно зачем без моего ведома менять маркетинговую схему, которая работает уже три года.

— Это здорово. Марат, я скучала.

— И я, детка. Тебе нужна помощь?

— Не, тут осталось пара домов и я к тебе приеду.

Она отключается, а я иду на кухню, чтобы поставить себе чайник. Кружку одну чистую нашел и сделал чай. Достал пирог и стал есть.

Неплохо, Почти как у мамы.

Может и Вику к ней на обучение отправить. Они, может снова начнут общаться.

Глава 16.

После отеля заезжаю в аптеку, а потом уже домой. Тут уже чисто и пахнет хлоркой. Расстарались, прям. Несколько раз звонила мать, но я трубку по обычаю не беру. Если начнем разговаривать, поругаемся. Я уже устал от этих склоков. Ни мать, ни Вика за языком не следят, а я меж двух огней. Вики опять нет. Звоню ей сам и снова натыкаюсь на глухую стену.

Начинаю по новой тихо беситься. Как вдруг слышу шум из ванной. По телу прокатывается приятная волна, и я сдергиваю пиджак и галстук. С удивлением замечаю на кровати сброшенные шмотки и телефон. Иду в ванную, а там Вика, словно видение из пара и капель воды. Задрала голову и подставила пухлые губы струям, что жадно вылизывали ее идеальное тело.

Пах наливается тяжестью, и я расстегиваю ремень, снимаю штаны. В такие моменты мозг уплывает, а

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.